
Мила Мерит
Затерянные в ~~тайге~~ чувствах.
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Мила Мерит
Затерянные в тайге / чувствах

https://litres.ru/74764312
SelfPub; 2026

Аннотация

Велина

Он тот, кто виноват во всех бедах. На протяжении многих лет я старалась избегать встреч, а теперь оказалась в ситуации, когда вынуждена довериться, ведь только он знает, как выжить. Единственный человек, которого клялась презирать до последнего вздоха, стал моим проводником в дикой тайге. Ирония судьбы, не иначе.

Фаддей

Она идеальна, но есть одно "но" - её неприязнь. До сих пор не осознаю, что мог сделать не так, чтобы вызвать такие чувства. Теперь оказались вдвоём в бескрайних лесах, где все тайны будут раскрыты, если сможем избежать взаимного уничтожения.

Содержание

Пролог. 4
Глава 1. Фаддей. 7
Глава 2. Велина. 18
Глава 3. Фаддей 30
Глава 4. Велина. 43
Глава 5. Фаддей 57
Глава 6. Велина 68
Глава 7. Фаддей 84
Конец ознакомительного фрагмента. 88

Затерянные в тайге / чувствах

Пролог.

Турбина гудит, пробиваясь сквозь рев разбушевавшейся грозы. Вибрация вертолета была невыносимой, казалось, ещё чуть-чуть — и катастрофы не миновать. За окном бушевала стихия. Летний зной пробудил сильную бурю. Свинцовые облака затянули полуденное солнце; вспышки молний пронзали тьму, словно копья разгневанного божества.

Велина закрыла глаза и вжалась в кресло нервно обкусывая ногти идеального, ранее, маникюра. Слезы стекали по лицу, оставляя черные полосы от макияжа. Но даже в этот момент она была красива. Грудь тяжело вздымалась под тонкой тканью белого топа, совершенно неуместного в том месте куда мы направлялись. Длинные светлые волосы растрепались и слиплись у шеи из-за пота. Казалось, впервые в жизни все шло не по её сценарию. Возможно, я бы даже позлорадствовал, не будь сам охвачен ужасом.

— Больше половины пути, — голос пилота едва пробивался сквозь помехи.

— Вертолет же может приземлиться где угодно, разве нет? — не унималась Велина.

— Может, но здесь тайга, и из-за этой чертовой погоды я не вижу ни единого просвета.

— Все было бы нормально, если бы ты слушала, что тебе говорят, — не сдержался я, чуть наклонившись к своей попутчице.

— Все было бы нормально, если бы не было тебя, — выпалила она в ответ.

— Держи свою псину крепче, а то еще вырвется!

Заорал я, наблюдая, как белоснежный шпиц, которому категорически не место в салоне вертолета, мечется в панике, вырываясь из рук заливаясь лаем.

Велина, стиснув зубы, принялась успокаивать собаку, которая, казалось, была готова разорвать всех от ужаса. Правила перевозки животных существуют не просто так, но, конечно, для тех, у кого деньги — мусор, они не писаны. А тут еще и компания на грани банкротства. Почему бы не сорвать пару лишних тысяч, наплевав на безопасность?

Господи, зачем я в это ввязался!

Молния разрезала небо и ударила вблизи, выведя из строя электронику. Приборы мигали хаотично. Я сорвал наушники, не в силах выдержать помехи. Связи нет. Видимости — ноль. Пилот, ругаясь, боролся с ручкой управления вслепую, пытаясь не потерять контроль над вертолётом.

Я вжался в кресло, стараясь держаться за всё, что можно. Вертолет резко спикировал вниз. Деревья взметнулись навстречу, приближаясь с пугающей скоростью. Холодный пот

струился по спине. Смерть была ближе, чем когда-либо. Но мы всё ещё летели.

Пилот чудом выровнял машину и повел ее низко над деревьями, едва не касаясь крон. Я понял, что он решил лететь под фронтом, чтобы хоть как-то ориентироваться в пространстве.

— Другим маршрутом пойдем, — крикнул пилот, перекрывая рев лопастей.

Я кивнул. Он знал тайгу, как свои пять пальцев. Несколько минут летели спокойно, как вдруг услышал резкий вскрик Велины и, обернувшись, увидел то, чего так боялся. Белая псина, обезумев от страха, укусила её, и вырвалась из рук.

Дрянь!

Собака, не раздумывая прыгнула вперед, вцепившись в плечо пилота, который был сосредоточен на спасении нас из преисподней. От боли и неожиданности он потерял концентрацию, мгновения хватило, чтобы раздался скрежет метала об верхушки деревьев. Пилот старался восстановить управление, но было уже поздно. Через лобовое стекло, показалось озеро — чернильная гладь, затянутая дымкой тумана. Именно туда сейчас и падал вертолет. Я видел застывший ужас в глазах Велины. Белый топ был заляпан кровью.

Резкий удар. Лязг металла. Вода, ледяная и безжалостная, быстро заполняла кабину, отбирая свет и воздух.

Глава 1. Фаддей.

Сейчас…

Холод обжигал легкие. Я отстегнул ремень безопасности и посмотрел на Велину которая в панике дергала пряжку, она не отщёлкивалась. Кровь сочилась из рваной раны на руке. Пилот судорожно пытался вытащить ногу, зажатую приборной панелью. Собака, все еще вцепившись в плечо, рычала. Я попытался оттащить ее, но она схватилась крепче.

Дрянь!

— Плыви! — прохрипел пилот, доставая нож и протягивая Велине.

Кабина быстро заполнялась водой спеша стать последним пристанищем. Я попытался открыть дверь, резко толкнув, но она упорно не поддавалась из-за давления. Подождав несколько секунд, когда вода полностью заполнит кабину и сделав глубокий вдох я резким толчком открыл дверь и поплыл наверх. Вынырнув, закашлялся, жадно глотая воздух.

Озеро пенилось от дождя. Берег был в пределах досягаемости. Я оглянулся — от вертолета остались лишь пузыри и масляные пятна на поверхности. Справа, отчаянно барахтаясь, к берегу плыла собака.

Дрянь!

Я ждал Велину, но ее не было.

— Чёрт, — выругался я и, немедля, нырнул обратно.

Вода была мутной, но повезло что озеро было не глубоким. Снова пробрался в салон вертолета. Без сознания, Велина казалась хрупкой и беззащитной, совсем не той, какой была на самом деле. Ремень всё еще был застегнут, не хватило всего лишь нескольких движений ножом, чтобы разрезать его. Ухватившись, я попытался разорвать его руками, но безуспешно. Паника нарастала с каждой секундой. Время утекало. Я должен был спасти её. Наконец, нащупав нож, перерезал этот чертов ремень. Обхватив её, попытался вытащить из кабины. Воздуха катастрофически не хватало, но я не мог сдаться, зная, что, если поднимусь на поверхность за вздохом, потом будет слишком поздно. Из последних сил вытолкнул Вилину к двери и потащил вверх.

На поверхности, захлебываясь, выплевывал воду. Держа Велину на плаву, попытался привести ее в чувство.

— Велина! Велина, очнись! — кричал, шлепая по щекам.

Она не реагировала.

С огромным трудом поплыл к берегу. Дождь не прекращался, ветер поднимал волны, которые мешали плыть. Собрав последние силы, после нескольких десятков мучительных метров наконец почувствовал под ногами твердую землю.

Вытащив Велину на каменистый берег, рухнул рядом, обессиленный. Нужно было срочно приводить её в чувства.

Пульс был очень слабым. Я начал делать искусственное дыхание, чередуя его с непрямым массажем сердца.

Раз, два, три… десять[1].

— Давай же, Велина! Дыши!

Раз, два, три… двадцать.

— Ну давай! — молил я. — Обещаю, что больше никогда не буду называть тебя дурой.

Раз, два, три… тридцать, вдох раз, вдох два.

Внезапно она судорожно вздохнула, выплевывая воду. Я тут же перевернул её на бок.

— О, ну Слава Богу. Ты точно, живучая, как таракан! — я похлопал ее по щекам в надежде увидеть прояснение во взгляде.

— Себя похлопай. Придурок! — прошипела, отталкивая.

Ну вот теперь точно пришла в себя.

— Вообще-то, я тебя спас.

— Ага, а до этого бросил, — тут же набросилась она на меня. — Разве вы не даете клятву как врачи?

— В итоге же вытащил, — развел я руками, — Не заставляй сомневаться в правильности этого решения.

— Да, только до этого я чуть не утонула!

— Надеюсь, это не ухудшит твой характер, хотя куда уже хуже, — хмыкнул я и получил в ответ средний палец.

Она сидела на берегу, обняв себя руками в надежде согреться, с волос капала вода, стекая по оголенным участкам

[1] По современным рекомендациям нужно делать 30 надавливаний, затем — 2 вдоха искусственного дыхания. Чтобы не сбиться со счёта, удобно считать десятками: Три раза до десяти = 30 компрессий. После этого — 2 вдоха (запрокинуть голову, зажать нос, вдох «рот в рот» около секунды) и всё заново.

кожи. Именно сейчас она выглядела настоящей.

Дождь медленно стихал, хотя тучи все еще висели на небе, преграждая солнечные лучи. Я смотрел на воду, и не мог избавиться от мысли, что где-то там, остался человек.

Пилот был профессионалом — я это понял по тому, как он держал машину, когда всё начало разваливаться. Он не потерял контроль, пытался смягчить удар. И у него почти получилось. Мы выжили. А он — нет. И это не укладывалось в голове. Я присел на камни, смотрел на воду и чувствовал, как что-то тяжёлое давит на грудную клетку.

— Где наш пилот?

Я покачал головой.

— Он… не выплыл.

— А Леди? — всхлипнула Велина.

— Кто это?

— Собака, болван! — огрызнулась она в ответ.

— Ах, та дрянь из-за которой мы чуть не погибли? Понятия не имею. — я театрально пожал плечами, хотя прекрасно видел, как живая и здоровая псина плыла к берегу. — Надеюсь ею покормится щука или сожрет медведь.

Велина закрыла лицо руками и зарыдала.

— Ладно, хватит реветь. Вон она, — указал на мокрого белого шпица, сидящего под елью и дрожащего от холода.

— Леди! — подбежала она к собаке и попыталась обнять. Та оскалилась и снова попыталась укусить. — Что с тобой? — удивилась она.

— Вся в хозяйку, — усмехнулся я.

— Иди к чёрту!

Не обращая внимания на ее очередное оскорбление, я начал снимать с себя одежду.

— Что ты делаешь? — удивленно спросила она.

— Нужно выжать одежду, чтобы быстрее высохла. Советую тебе сделать то же самое.

— Ты издеваешься? — возмутилась она, показывая на свой наряд.

— Да, согласен, это трудно назвать одеждой, — сказал я, имея в виду короткий белый топ и джинсовые шорты, больше похожие на нижнее белье.

— Как скоро нас найдут?

Велина села под ель и обняла успокоившуюся собаку.

— Не скоро, — ответил я.

— Почему?

— Грозовой фронт всё еще не ушёл, спасатели не будут выдвигать поиски, пока не станет безопасно и…

— Иии что?

— И мы ушли с маршрута, они будут искать совсем в другом месте. Возможно, там, где отказали приборы, а это километрах в пятнадцати от сюда.

— Не так уж и далеко, можно и пешком, — беспечно заключила она.

— Ты серьезно? Скоро стемнеет, станет еще холоднее. Тайга — это не асфальтированная дорожка. И не стоит забы-

вать о зверях, которым твои голые ножки придутся по вкусу, особенно без обуви, — отрезал я, развешивая одежду.

— Что предлагаешь?

— Нужно пережить ночь, а для этого необходимо тепло и укрытие. Вдруг снова дождь пойдет. Но эта задача кратно усложняется без моего рюкзака.

— Поплывешь за багажом? — с сомнением спросила она.

— Не за багажом, а за своим рюкзаком, — ответил, уже готовясь снова нырнуть в ледяную воду.

— А как же моя сумка?

— Сейчас мои вещи важнее, чем твои… не знаю, шелковые пижамы.

— Тогда я с тобой, — заявила она, осторожно опуская собаку на землю. Мокрый топ предательски просвечивал, открывая взгляду то, от чего я не мог отвести глаз.

— Извращенец! — выпалила она, прикрываясь руками. Я поспешно отвернулся.

— Назови хоть одну вещь, которая важнее ножа, кресала, веревки и походной одежды…

— …мокрой походной одежды, — язвительно перебила она.

— Объясни, — спросил, стараясь смотреть исключительно на лицо.

— Я предпочитаю сухую одежду, умник! — с вызовом процедила она. — У меня все в вакуумных пакетах. Вероятность, что туда попала вода, гораздо меньше.

— Логично, — признал я, пожалуй, впервые в жизни соглашаясь с ней.

Тогда…

Мелкий дождь начал барабанить по стеклу, придавая пейзажу ещё большую печаль. Непогода разогнала школьников 11 Б класса с улицы в уютный спортивный зал. Я тоже сейчас должен был быть там, если бы не ультиматум директора: «Или забираете его из школы, или я звоню в полицию». Слезливые заверения матери, давление на жалость из-за смерти отца ни к чему не привели. Сколько времени нужно, чтобы перестали жалеть и делать поблажки? В моём случае — трёх лет хватило с полна.

Коттедж в элитном районе Подмосковья, личный водитель и специализированная школа — все это было благодаря отцу, Лазареву Александру Михайловичу. В юности он, вместе со своим другом, организовывал гастрономические туры для иностранцев в самые дикие, нехоженые уголки таежной России. Позже, вместе с мамой, они переехали в столицу, откуда руководили бизнесом. Желающих испытать экстремальный отдых было предостаточно, а высокие цены, обусловленные риском, приносили немалую прибыль. Именно отец научил меня вязать узлы, ставить палатку и разжигать костер. Я страстно увлекался выживанием, и затаив дыхание ждал рассказов о покорении Эльбруса, к восхождению на который он готовился несколько лет.

Всё закончилось в один миг: неправильно завязанный узел, спешка и усталость стоили жизни. Теперь тело моего кумира и отца покоится в расщелине вечных ледников.

Не успели смириться с утратой, как выяснилось, что дела в компании обстоят не так радужно, как казалось: то ли партнер постарался, то ли судьба сыграла злую шутку, но мы с мамой остались без фирмы и с несколькими миллионами на счетах, вырученных от продажи имущества.

Вернувшись в родной город родителей, меня определили в ближайшую обычную государственную школу. Весть о разорившейся московской семье разлетелась мгновенно. Дети жестоки, а к тем, кто еще недавно был выше их по статусу, жестоки вдвойне. Я никогда не начинал драку первым, но и не мог промолчать в ответ на оскорбления и насмешки. Отец воспитал во мне гордость и силу, но не привил терпения. Возможно, не реагируя так остро, издевки быстро бы прекратились.

Единственное, что сохранилось из прошлой жизни, — это плавание и страсть к выживанию. Они помогали не унывать, так же как маме — рисование. В коттедже у нее была отдельная светлая комната под хобби. В квартире она оборудовала балкон, а художественные принадлежности были раскиданы по всем поверхностям. Редкие продажи картин приносили доход, позволявший не трогать сбережения.

От пейзажа за окном меня отвлёк звук открывающейся двери.

— Фаддей, у меня хорошие новости! — крикнула мама из прихожей.

— Какие же? — спросил я, выходя из комнаты и беря пакет с продуктами пока мама снимала обувь.

— Завтра ты идешь в 54-й лицей! Я договорилась.

— Что? — застыл я от услышанного. — Откуда такие деньги?

Этот лицей считался лучшим в городе, там училась вся местная элита, и обучение, разумеется, было нам совершенно не по карману.

— Я же говорила, что продала картину, — с широкой улыбкой напомнила мама.

— Да, — подтвердил я, вспомнив о баснословной сумме, которую выложил за нее какой-то местный богач.

— Как раз хватило на год обучения, — ответила она, проходя на кухню вперед меня.

— А как же моя характеристика? — я знал, что с ней мне даже порог лицея переступить не дадут.

— Так вот, покупатель картины оказался членом родительского комитета и все уладил.

— Мне это не нравится, — пробормотал я, проходя на кухню и пытаясь представить, как маме удалось его «уговорить».

— Фаддей, тебе осталось доучиться меньше года, — начала она, как всегда, уговоры, вытаскивая продукты и раскладывая по местам.

— Мама, у меня есть 9 классов, не хочу больше учиться.

— Нет! Ты пойдёшь и будешь учиться! И только попробуй опять ввязаться в драку.

— Зачем всё это? — начал я.

— Чтобы у тебя была возможность поступить в хороший университет, получить образование, а не скитаться всю жизнь, перебиваясь случайными заработками! Я не хочу, чтобы ты повторил мою судьбу. Отец хотел для тебя лучшего, и я тоже! Пожалуйста, Фаддей, сделай это для меня, для него. Хотя бы попробуй.

Я вздохнул. Убеждать маму было бесполезно. Она, как и отец, отличалась упрямством и целеустремлённостью.

Холодильник запищал, ругаясь на открытую дверь, мама наконец перестала сверлить взглядом и продолжила складывать продукты.

— Ладно, — сдался я. — Попробую. Но в университет не пойду, говорил же, что хочу в армию.

— Давай пока ставить цели до окончания школы, — облегченно вздохнула мама.

На следующий день снова оказался в окружении тех, кто, не добившись в жизни ничего, ходит с высоко поднятой головой, не подозревая, что одно роковое обстоятельство может вмиг изменить все. Я когда-то был таким же, а теперь шел понуро, избегая их взглядов.

— Осторожнее! — прошипела девушка, которую нечаянно задел плечом, выронив ее книги.

— Прости, — буркнул я, бросаясь собирать их с пола.

— Совсем не видишь, куда идёшь? — возмутилась она, и была невероятно прекрасна в своём гневе.

Большие голубые глаза с длинными черными ресницами, пухлые розовые губы. Она походила на куклу, но пепельные пряди и броские украшения бросали вызов невинности. Возвышаясь надо мной, она смотрела с презрением.

— Что, уставился? Или на мне узоры видишь? — однако нет, её образ портил и язык.

Она выхватила учебники из моих рук и, резко развернувшись, хлестнула по лицу волосами, приятно пахнущими духами.

— Дура! — неожиданно для себя вырвалось вслед.

Она обернулась и показала средний палец.

Глава 2. Велина.

Сейчас…

Дождь вновь лил как из ведра. Мы с Фаддеем укрылись под раскидистой елью, накрыв ветки брезентом, который, к счастью, оказался в его рюкзаке.

Было зябко и сыро, а стаи мошкары бесцеремонно кружили вокруг, безжалостно кусая за открытые участки кожи. Обнимая Леди, я пыталась согреться, натянув на себя всю одежду из сумки. Вакуумные пакеты не сумели полностью уберечь вещи, но кое-что все же сохранилось. Например, пижама и спортивные штаны, ветровка, предусмотрительно взятая на всякий случай, и худи, которое Фаддей с видимым трудом натянул на себя. Как жаль, что телефон не протянул длительного «купания», иначе я бы долго мучила его фотографиями, где он красуется в розовой одежде.

Мы не виделись целую вечность, но на наши отношения это никак не повлияло. Он по-прежнему меня бесил. Стоит признать, он возмужал, стал выше, заметно окреп в плечах. Мощные, но не перекачанные руки говорили о силе, а твердый пресс и крепкие ноги не оставляли сомнений в отличной физической форме. Пожалуй, я никогда так пристально не рассматривала мужчину, как в тот момент, когда он начал раздеваться. Лицо очистилось, исчезли прыщи и подростковые воспаления, легкая небритость на широких скулах при-

давала мужественности. Модная стрижка сменила прежний неопрятный вид. Неизменными остались лишь огромные карие глаза, обрамленные пушистыми ресницами, и чувственные губы, пухлости которых позавидовала бы любая девушка.

Сейчас он пытался вскипятить воду, используя спиртовые таблетки и специальную подставку. Костер разводить даже не стали — все вокруг было насквозь мокрым. Удивительно, сколько всякой полезной всячины было в рюкзаке. Налив воды в металлическую кружку, мы ждали, пока закипит, чтобы согреться хоть немного. Запах спирта щекотал нос, смешиваясь с ароматом мокрой хвои и земли. Леди, свернувшись калачиком на коленях, тихонько вздыхала. Наконец вода закипела.

— Десять минут, чтобы убить бактерии, — коротко ответил Фаддей.

Он всё же профи в выживании, а я всего лишь пару раз была в лесу. Погрузившись в ожидание, стала отсчитывать эти драгоценные десять минут. Вот он наконец снял кружку с огня и подал мне, а сам тут же поставил на огонь маленький котелок.

Взяв кружку обеими руками, ощутила исходящее тепло. Первый глоток обжёг горло, но это было приятное, долгожданное жжение. Закрыла глаза, стараясь прочувствовать как согревается тело от глотка.

Фу, гадость.

Вкус, словно пила из болота, но сейчас это не имело значения. Главное — это помогло согреться.

Тем временем Фаддей извлек из бездонного рюкзака пакет сублимированного супа. «Куриный с грибами», — смогла прочитать в темноте на упаковке, и желудок немедленно издал громкое урчание.

— Откуда ты всё это берёшь? — спросила, всё ещё потягивая кипяток, приправленный отходами жизнедеятельности всех обитателей озера. Фаддей лишь пожал плечами.

— У хорошего выживальщика всегда есть план Б, Ц и вся остальная азбука, — уклончиво ответил он, принимая кружку с остатками пойла.

— У хорошего — да, но откуда у тебя? — съязвила, не упуская возможности поддеть.

Он не стал отвечать, лишь покачал головой.

Наконец, вода в котелке закипела, и, Фаддей добавил туда суп. Аромат разнесся, заставляя желудок, получивший за сутки лишь болотную воду и батончик шоколадки из самолета, сжаться от предвкушения. Фаддей помешивал готовящееся варево ложкой. Не отрывая глаз, следила за каждым его движением. Он выглядел таким сосредоточенным, таким… умелым. В этот момент передо мной был не тот раздражающий мальчишка, которого знала раньше. Здесь, в дикой природе, он был в своей стихии.

— Готово, — провозгласил он, протягивая котелок.

— Фу, нет, там же одна химия, я такое не ем, — скриви-

лась я, отворачиваясь.

— Вот и отлично, мне больше достанется, — с нескрываемой радостью произнес Фаддей и демонстративно отхлебнул не меньше половины котелка.

Скрестив руки на груди, делала вид, что совершенно всё равно, но в животе упрямо урчало, напоминая о голоде. Леди, почувствовав запах супа, подняла голову и жалобно заскулила, глядя на Фаддея просящими глазами. Он усмехнулся и отложил немного супа в ладонь, поднеся ей. Собака аккуратно слизнула угощение, благодарно виляя хвостом.

— Видишь, даже собака знает, что вкусно, — поддразнил меня Фаддей.

— Собаки все едят, — парировала я. — Даже землю.

— И свои какашки, помни об этом, когда снова будешь целовать ее, — рассмеялся он, продолжив наслаждаться супом, смакуя каждый глоток.

Я смотрела на него, и внутри начала закипать злость. Злость на себя за то, что позволила оказаться в этой мерзкой ситуации; злость на него за то, что он так спокойно ест, и злость на этот проклятый суп, издающий такой невыносимо манящий аромат.

— Меня сейчас стошнит от этого запаха, — с отвращением процедила сквозь зубы.

— Не нравится — не нюхай. Все в твоем распоряжении, принцесса, — с издевкой предложил он.

— Ты… ты просто невыносим! — выпалила, ощущая, как

гнев закипает, грозясь вылиться через край. — Тебе доставляет удовольствие видеть, как я страдаю?

Фаддей оторвался от котелка, приподняв одну бровь в притворном удивлении. Во взгляде была привычная насмешка.

— Страдаешь? Да ты просто дуешься, как ребёнок, которому не дали конфетку, — фыркнул он, вновь обращаясь к еде.

— Я не дуюсь! Я… я просто хочу домой, в душ и нормальную еду! — закричала, чувствуя, как к горлу подступает истерика. Леди испуганно прижалась, заскулив.

— Не кричи, — спокойно произнёс он, откладывая пустой котелок.

— Мне холодно, мокро, меня кусают комары, а ты чавкаешь и демонстрируешь блаженство, как будто нравится сидеть в грязи и пить из болота, — не выдержала я, выплескивая ненависть.

— Я просто не ною, а принимаю данность. И мне труднее, ведь еще приходится выслушивать тебя, — парировал он, облокотившись на шершавый ствол дерева.

— Что мы будем делать завтра? — спросила, смягчив тон, опасаясь окончательно сорваться.

— Для начала нужно изучить местность и разжечь огонь, когда дождь прекратиться, потом надеяться, что спасательные вертолеты увидят дым.

— А что, если не увидят? — спросила уже тише.

— Увидят, — уверенно ответил Фаддей. — Искать начнут. Просто нужно подождать. Главное — не паниковать и сохранять спокойствие. И огонь. Огонь здесь — это наша жизнь.

— А если дождь не прекратится? — вновь спросила я.

— Тогда будем надеяться, что у них хорошая оптика, — пожал плечами Фаддей. А сейчас нужно попробовать поспать.

— Холодно, — вновь пожаловалась я, дрожа всем телом.

— Можем обняться, чтобы было теплее, — предложил он серьезно.

— Не настолько холодно, — отрезала, не желая даже думать о таком развитии событий.

— Как хочешь, — пожал он плечами и демонстративно повернулся ко мне спиной.

Тогда…

— Если Вы не можете заплатить, мы вызовем полицию! — сердито произнес официант.

— Всё в порядке, я заплачу, не кричите, — вмешалась, подходя к столику и усаживаясь напротив мамы. Привлекать лишнее внимание к нашим персонам не стоило.

— Я же говорила, что придёт дочь и закроет счёт, — с гордостью произнесла мама, вскинув голову. Она никогда не упускала возможности продемонстрировать высокомерие, хотя особенно гордиться ей было нечем.

— Принесите счёт, пожалуйста, — произнесла с легким волнением. — И латте, — добавила, пытаясь вернуть себе хотя бы частицу спокойствия.

Официант, явно новенький, не скрывал удивления от нашей колоритной компании.

— Почему так долго? — нетерпеливо спросила мама, когда официант ушёл.

— На уроке задержали, — соврала, изо всех сил стараясь избежать ненужных вопросов.

На самом деле я выжидала, когда все знакомые разъедутся, чтобы никто не заметил, что направляюсь в эту кофейню за углом. Ни один из учеников сюда не заходил, предпочитая сверкающие чистотой кофейни с панорамными окнами через дорогу от лицея. Где предлагали экзотические заменители молока, о существовании которых в этой забегаловке даже не подозревали.

— Я звонила тебе со вчерашнего дня, где телефон? — спросила маму, не скрывая беспокойства.

— Потеряла, — ответила она с безразличием.

— Опять? — искренне удивилась.

Сложно сосчитать, сколько телефонов ей уже купила. В конце концов, я остановилась на самых дешевых моделях, умеющих только звонить.

— Ну что ты начинаешь? Да, опять, — с раздражением повторила она.

— Ладно, через неделю принесу новый, — смирилась, ис-

пытывая неподдельное усталость от этого разговора в тысячный раз.

Вскоре официант принес кофе и счет. Увидев внушительную цифру, я молча достала деньги из конверта и расплатилась, гадая, что можно было заказать в этой скромной кофейне на такую сумму. Наконец, сделала первый, долгожданный глоток; ни один заменитель не мог воссоздать вкус настоящего молока, пусть и качество зерен было так себя.

— Ты принесла деньги? — спросила мама, не в силах скрыть нетерпение.

— Принесла, — подтвердила, протягивая конверт.

Она жадно выхватила его и принялась засовывать в свою безразмерную сумку.

— Там десять тысяч, — уточнила я, продолжая наслаждаться вкусом латте.

— Этого мало, — возмутилась мама. — Я же говорила, что счёт за свет пятнадцать, иначе его отключат.

— У меня нет больше. И сейчас я заплатила три. Если бы ты была чуть экономней, то они бы были в этом конверте, — парировала я, чувствуя, как гнев медленно закипает внутри.

— Вся в отца, — бросила с презрением, словно это было самым страшным проклятием.

— Мама, у меня нет больше денег. Я не могу так часто снимать наличные, — развела руками в отчаянии.

— А как мне быть? — спросила с вызовом делая вид что вытирает уголки глаз от непролитых слёз.

Ну да, лить крокодильи слёзы ты умеешь.

— Для начала, может, устроиться на работу? — предложила я, не надеясь на положительный ответ.

— Меня не берут, — отрезала она.

— Меньше пей, — прошипела я, уже не в силах сдерживать раздражение.

— Ты же знаешь, что я уже не пью два месяца, — с вызовом напомнила она.

— Но и работу искать не собираешься.

Я постоянно предлагала вакансии, но она каждый раз находила нелепые отговорки, чтобы увильнуть от собеседований и не делать ровным счетом ничего. Она действительно не пила, и если бы это было иначе, я бы сразу это почувствовала. Стоило сделать глоток спиртного, и ее было уже невозможно остановить. В трезвости, одетая хоть и бедно, но аккуратно, мама всегда старалась держаться с достоинством. В противном случае с немытой головой и синяками на лице, которые оставляли её многочисленные мужчины. Это были две совершенно разные мамы, и этот болезненный контраст помнила с самого раннего детства.

— Да что ты прицепилась со своими нотациями? — огрызнулась она в ответ.

— А у меня есть выбор? Пока ты прохлаждаешься, я должна учиться в лицее и находить тебе деньги!

— Ох, ты бедненькая, вся такая расфуфыренная, со мной тут сидишь, стесняешься! А кто тебя рожал и растил, пока

твоему отцу на тебя было плевать? — с надрывом крикнула она, пытаясь вызвать чувство вины.

— Ладно, хватит, — остановила ее, не желая привлекать внимание посетителей. — Я не для ссоры сюда пришла.

— Хм, сама начинаешь, — усмехнулась мама, и вдруг ее лицо неожиданно смягчилось. — Как твоя учёба?

— Учёба трудная, этот год выпускной, поэтому нам задают очень много, еще и к репетитору езжу, — поделилась я, пытаясь сменить тему, боясь разрыдаться.

— Учёба, учебой, но и отдыхать не забывай. Может, мальчика какого встретила? — хитро прищурилась она.

— Нет, мам.

— А этот… увивался тут один, высокий, черноволосый.

— Ты следила за мной?

— Просто пару раз видела, как вы из лицея под ручку выходили. Хороший мальчик, видно, из приличной семьи. Ты смотри, близко не подпускай, а то станешь, как я, — матерью-одиночкой.

Я закатила глаза. Снова старая песня. Неужели нельзя сменить пластинку?

— Мам, давай не будем об этом, ладно? Ты же знаешь, что я не хочу.

Она пожала плечами и замолкла, разглядывая покрашенные в красный цвет ногти.

— Знаешь что? — нарушила тишину, привлекая её внимание.

— Что, если вам с отцом встретиться?

— Зачем это? — удивилась она, вскинув брови.

— Ну, вы же не чужие люди когда-то были, может, при встрече вспыхнут старые чувства, кто знает.

Я вынашивала эту мысль давно. Мама, несмотря на все жизненные невзгоды и не самый здоровый образ жизни, оставалась красивой женщиной. Освежить цвет волос, пара визитов к косметологу, стильная одежда — и отец, возможно, вновь увидит в ней ту, в которую когда-то влюбился.

— Не думаю, что он захочет со мной видеться, — пробормотала, пожав плечами.

— Об этом не беспокойся, — заверила её. — Главное, ты не сорвись.

Мама задумалась, машинально теребя край конверта, словно перед ней стояла сложнейшая задача. Вероятно, она прикидывала, как растянуть эти деньги до следующей недели. Или, что ещё хуже, как спустить их ещё быстрее.

— Ладно, — наконец произнесла она. — Делай, что хочешь. Но я не питаю особых надежд.

В голосе звучало равнодушие, но я чувствовала, что в глубине души она тоже надеется на примирение с отцом. Или, по крайней мере, на какую-то материальную помощь с его стороны.

— Я всё устрою, — пообещала, стараясь придать голосу уверенности. — Всё будет хорошо.

Допила остывший кофе и встала. Пора возвращаться, во-

дитель скоро подъедет.

— Мне пора, — произнесла я. — Увидимся на следующей неделе.

— Хорошо, — ответила она, быстро чмокнув меня в щёку.

Уже у двери обернулась и встретилась взглядом с новеньким парнем из параллельного класса, который в первый же день умудрился врезаться в меня. Он сидел прямо за спиной, и я даже не заметила его раньше. Что он делает в этой дыре? Сколько он слышал? Сделав вид, что не узнала его, вышла на улицу, поёжившись от порывистого ветра. Хотя на самом деле дрожала от страха, что все узнают мою тайну.

Глава 3. Фаддей

Сейчас…

Спать было холодно. Велина долго вертелась, но в конце концов прижалась, желая хоть чуть согреться. Я, конечно, не противился случаю тоже обнять её. Пробуждение пришло с первыми лучами солнца и трелью птиц. Солнце еще не согревало землю, но обещало жаркий день. По ощущениям, было около шести утра. Велина тихо посапывала, обнимая шпица. Я аккуратно высвободил руку из-под её головы, стараясь не разбудить. Тело сковывало утреннее возбуждение, и, не найдя лучшего решения, решил окунуться в озера. Скинув худи, накрыл им Велину, надеясь, что это хоть немного согреет, заменив моё тепло. Выйдя из укрытия, быстро разделся и, не дав времени на раздумья, шагнул в воду.

Ноги сковал холод, но именно этого я и добивался. Пройдя немного дальше, где вода наконец дошла до пояса, нырнул. Ощущение было непередаваемым: резкая боль от холода смешивалась с облегчением. Оставался под водой, пока не почувствовал, как жжет в легких. Вынырнув, жадно вдохнул свежий воздух, пропитанный ароматом хвои и утренней свежести. Озеро было тихим, покрытое дымкой. Тишина, нарушаемая лишь пением птиц, казалась почти осязаемой. Я поплыл к центру, наслаждаясь каждым движением, каждым глотком воздуха. Холод и возбуждение от близости отступи-

ли, уступая место бодрости и ясности мыслей.

Здесь, вдали от цивилизации, чувствовал себя как дома. Бескрайний дикий лес успокаивал. Огорчало лишь то, как я здесь оказался, и смерть невинного человека. А перепалка с Велиной лишь бередила раны и возвращала в прошлое. Она действительно изменилась за эти годы: стала естественнее, пепельный цвет волос сменила на натуральный, и, самое главное, отказалась от вульгарного макияжа. И этот образ невероятно ей подходил.

Почувствовав, что начинаю замерзать, я поплыл к берегу. Оставалось всего несколько метров, когда увидел Велину и шпица, выходящих из укрытия.

— Как ты можешь плавать рядом с трупом?! — с ужасом в голосе выкрикнула она.

— Он никому не мешает, чего нельзя сказать о тебе, — ответил, нащупав ногами дно.

— Это же жутко, — сказала она, поежившись.

Я пожал плечами и стал выбираться на берег. Вода доходила до пояса, а выходить голым при ней было неловко.

— Вообще, можно пить воду, если там труп? — спросила осознав, что вчерашний кипяток был именно из этого озера.

— Это проточное озеро, внизу довольно сильное течение, — ответил, вспоминая, как трудно было доплыть до багажа. — Можешь отвернуться, не хочу, чтобы ты влюбилась, обезумев от увиденной красоты.

Велина фыркнула и показала средний палец, но всё же от-

вернулась.

Я быстро выбрался на берег, чувствуя, как мурашки бегут по коже. Схватив с земли нижнее бельё и штаны, натянул, стараясь не смотреть в её сторону.

— Можешь поворачиваться, — буркнул я, застёгивая ширинку. Она медленно обернулась, всё ещё с гримасой отвращения на лице. — Не драматизируй. Тебе не идёт.

— Как ты можешь быть таким спокойным? Мы в жопе мира, рядом с трупом!

— Паника ничего не изменит.

— Что ты предлагаешь? — спросила она, вздернув носик.

— Ну, для начала обеспечить нас завтраком.

Я подошёл к рюкзаку и достал оттуда рыбные снасти, которые, конечно же, всегда носил с собой. Осталось лишь найти палку для удилища. Направился к ближайшим кустам, высматривая подходящую ветку. Велина продолжала стоять на месте, явно не зная, чем себя занять. Ровный, гибкий прут нашелся быстро. Вернувшись к месту, где оставил рюкзак, принялся мастерить удочку. Велина наблюдала, скрестив руки на груди.

— И что, думаешь, нам удастся что-то поймать? — скептически спросила она.

— Попытка не пытка, — ответил, насаживая на крючок червяка, найденного под камнем. — И было бы неплохо собрать хвороста. Пройдись рядом, может, получится найти что-нибудь посуши.

— Не указывай, — огрызнулась она, но всё же пошла в сторону деревьев.

Она невыносима.

Я закрыл глаза в надежде успокоиться, но удавалось это с трудом. Хотелось зашвырнуть удочку куда подальше и туда же послать эту невозможную девицу.

Сделав глубокий вдох закинул удочку и уселся на поваленное дерево, ожидая поклёвки. Тишина леса, нарушаемая лишь плеском воды и щебетом птиц, постепенно успокаивала нервы. Велина, с недовольным видом, собирала сухие ветки, складывая возле укрытия.

— Этого хватит? — спросила она, показывая на приличную кучу.

— Вполне. Держи удочку, а я пока разведу огонь, — сказал, передавая ей палку.

— Господи, сколько мошкары, — жаловалась она, отбиваясь пучком травы.

— Держи, — сказал я, протягивая пучок мяты, сорванный тут же на берегу. — Разотри между рук и намажь открытые участки. Должно помочь от мошкары, — добавил, отдав часть пучка, собранного для утреннего чая.

Пока Велина воевала с мошкарой, мне удалось разжечь огонь. Влажные ветки разгорались с неохотой, но, наконец, пламя занялось, а густой дым отогнал кровососущих насекомых. Велина, обильно намазанная мятой, с большей охотой стояла у берега с удочкой. Длинные волосы, собранные в

хвост, струились по спине. Восходящее солнце светило прямо в лицо, и она щурила глаза, прикрывая рукой. Внезапно удочка в руках дрогнула.

— Клюёт! — завопила она, едва не выронив удочку.

Я вскочил на ноги, готовый прийти на помощь.

— Подсекай! — крикнул, наблюдая, как леска натягивается.

С неуверенностью Велина дернула удочку на себя, и рыба сильно забилась на другом конце. Спустя несколько минут из воды показался окунь, чуть больше ладони.

— Ого, это приличный экземпляр, — похвалил я, вытаскивая крючок из пасти. Велина с гордостью смотрела на улов.

Через пару минут снова случилась поклёвка, но после неё рыбы больше не было. Солнце уже начало печь, и ждать спустя пол часа было бессмысленно. Вся рыба ушла в тень. Две рыбки мало, но лучше, чем ничего.

Я быстро почистил рыбу. Тем временем Велина поставила воду нагреваться. Вскоре рыба варилась в котелке, издавая аппетитный аромат. Запах дыма смешивался с запахом рыбного бульона и мяты, создавая пьянящий аромат дикой природы.

Пока варилась уха, я достал из рюкзака соль, которая находилась в герметичной коробке. Велина с нескрываемым любопытством поглядывала на котелок. Как городская жительница, она привыкла к ресторанной пище, а здесь — све-

жая рыба из озера, сваренная на костре. Я улыбнулся, предвкушая реакцию. Запах действительно был восхитительным. Наконец, решив, что уха готова, я снял котелок с огня. Когда варево остыло, протянул Велине.

Она осторожно попробовала, прикрыв глаза от удовольствия.

— Это… восхитительно! — выдохнула она. Я усмехнулся, зная, что именно это и услышу.

— Дикая природа, Велина, дикая природа, — ответил, с улыбкой глядя на неё.

— Но привкус болота всё равно чувствуется, — скривилась она, передавая котелок.

Я попробовал уху сам. Хотя от болотного привкуса действительно не избавишься, но как говорится, на безрыбье и рак рыба. Да и голод — лучший повар. Я сделал пару глотков, чувствуя, как силы возвращаются. Велина не отказалась от добавки, уплетая почти всю рыбу и делясь маленькими кусочками со шпицем.

После завтрака, насытившись, Велина стала немного довольнее. Сидя у костра, наблюдала, как я добавляю лапник для лежанки и развешиваю еще влажные вещи на палящем солнце.

— И всё же, что мы будем делать с трупом? — спросила она, нарушая тишину. — Не думаю, что оставлять его там — хорошая идея.

— Я пытался его вытащить, но бесполезно.

Тратить драгоценные силы на бессмысленное мероприятие не имело смысла, особенно учитывая неопределенность нашего положения. В глубине души все еще теплил надежду услышать сегодня гул спасительного вертолета.

— Давай лучше прогуляемся по окрестностям, исследуем местность, — предложил я, протягивая руку.

Она демонстративно проигнорировала помощь и встала самостоятельно. Я хмыкнул, но промолчал, решив не начинать ссору вновь.

— Ты серьезно собираешься идти в этом? — я указал на её белоснежные изики.

— Ну, я могу пойти босиком… или в туфлях, — с наигранным отчаянием всплеснула она руками.

— Да уж, основательно ты подготовилась к вылазке на природу, — проворчал я, снимая с корявой еловой ветви свои походные кроссовки. Пусть и влажные, но это явно лучше.

— Я не планировала совершать променад по лесной чаще, — огрызнулась она.

— На, держи, — я протянул ей обувь.

— У тебя случайно нет грибка?

— Зараза к заразе не пристает, — буркнул я. — И вот, надень нормальные носки, заправь в них штаны. Чтобы клещи не добрались.

— Они хоть стиранные? — язвительно поинтересовалась она.

— Очень смешно, — закатил я глаза, стараясь сдержать раздражение. — Просто надень их, и хватит пререкаться. Иначе останешься здесь со своими изиками, а я пойду один.

Велина, с гримасой отвращения, приняла кроссовки. Они, конечно, оказались великоваты, но в данной ситуации приходилось довольствоваться малым. Сделав несколько неуверенных шагов, она поморщилась.

— Ну и как в этом ходить? Они жесткие, как колодки! — пожаловалась она.

— Привыкнешь, — отрезал я. — Пошли, и постарайся не отставать.

Мы двинулись вглубь леса, стараясь держаться у берега. Велина шла с трудом, постоянно спотыкаясь о корни и кочки, неся на руках шпица. Я старался не обращать внимания на её ворчание, сосредоточившись на местности и следя, чтобы не наткнуться на дикого зверя. Глубоко вдохнув, я заорал во всю глотку.

— Ты с ума сошёл? — спросила Велина с искренним недоумением.

— Отпугиваю медведей, — пояснил, не сбавляя шаг. — Они не любят шум. А ты лучше молчи, а то накличешь беду.

Велина не стала отвечать, пожалуй, мы уже начинаем учиться не подливать масла в огонь. Шли недолго, когда наткнулись на поляну кислицы[2].

---

[2] Кислица (Oxalis), род цветковых двудольных растений сем. кисличных. Свое название растение получило за кислинку во вкусе листвы из-за наличия в их со-

— А вот и перекус, — сорвал несколько стебельков и зажмурился от кислого вкуса, наполнившего рот. Сам же внимательно осматривал окрестности, зная, что именно на таких укромных опушках часто можно повстречать косолапого хозяина леса.

Велина не торопилась приступить к трапезе, внимательно рассматривая находку.

— Это кислица, попробуй, — подтолкнул я её.

Она нерешительно пожевала листик, и лицо исказилось от кислой гримасы.

— Гадость какая, — выплюнула остатки. — И ты это называешь перекусом?

— Зато витамины, — пожал плечами. — Пошли дальше.

Мы углубились дальше и нашли огромную поляну земляники. Велина, увидев россыпь красных ягод, невольно ахнула. Положив на землю шпица и забыв про неудобные кроссовки, бросилась к поляне, и начала жадно собирать землянику в пригоршни. Я усмехнулся, наблюдая за преображением: городская барышня словно вновь обретала детскую непосредственность, увлеченно поедая ягоды прямо с куста. Тоже не оставшись в стороне стал собирать ягоды в котелок.

Оглядевшись, заметил на березе гриб чагу — отличный ингредиент для обеденного отвара. Срезав его ножом, поло-

---

ставе щавелевой кислоты. Выглядит растение очень привлекательно, строение его листвы напоминает порхающую бабочку. Поэтому оно имеет и такое название.

жил находку в рюкзак.

— Ну всё, пошли, — сказал Велине. — Нужно запастись дровами на ночь и попытаться поймать рыбу.

Велина неохотно оторвалась от поляны. Видно было, что эта внезапная радость немного сгладила раздражение. Она кивнула, послушно последовав за мной. Нужно было поторопиться, чтобы обустроить лагерь и не замерзнуть ночью.

Тогда…

— Пойдём поговорим, — подошёл ко мне высокий парень, которого часто видел с Велиной.

— О чём? — спросил, с неохотой вступая в разговор с человеком, который выше на полторы головы.

— Разве не знаешь? — стал злиться он. Я знал, что в коридоре ничего не угрожает — не станет же он начинать конфликт при охране.

— Нет, не знаю, — покачал я головой.

— Ты рылся в шкафчике моей девушки, — усмехнулся он, тесня меня к стене.

— Что? Я даже не знаю, кто твоя девушка, — солгал, отталкивая его.

Я прекрасно знал, кто он и кто его девушка. Каждый раз, наблюдая за этой парочкой, имеющей привычку прижиматься друг к другу в укромных уголках, меня переполняло чувство ревности. Я мечтал оказаться на его месте, хоть и не хотел этого признавать.

— Не строй из себя идиота. Велина — моя девушка, и ты копался в её вещах. Зачем? Что там выискивал?

Что за бред несет? Я даже не знаю, где находится её шкафчик.

— Послушай, ты явно ошибаешься. Я не рылся ни в чьих шкафчиках. Может, перепутал меня с кем-то другим? В школе полно народу, знаешь ли.

— Она сама видела тебя, а я ей верю больше, чем таким отбросам, как ты, — продолжал он настаивать. — Что там искал? Хотел украсть её трусики?

— Фу, нет!

— Тебе не нравятся девушки? — он посмотрел с недоумением, снова тесня меня.

— Я люблю девушек, но не воровал нижнее белье, — ответил, стараясь сохранять спокойствие и не врезать этому напыщенному индюку. Драки мне были ни к чему, и до сегодняшнего дня получалось их избегать, выполняя обещание.

— Хм, — усмехнулся он. — Все хотят её, а ты говоришь, что не хочешь.

— Слушай, ты несешь какую-то чушь. Мне плевать на твою Велину и на то, что она там видела или не видела. Я не собираюсь участвовать в ваших разборках. Отвали, — огрызнулся я, пытаясь оттолкнуть его от себя.

— Пойдем спросим у неё, — сказал он, разворачиваясь и хватая меня за локоть.

— Никуда я с тобой не пойду, — стал сопротивляться я.

— Не трусь, ничего страшного не случится. Если она скажет, что ошиблась, я извинюсь. Договорились?

— Ладно, пошли. Где твоя Велина? — подумал я: избегать драк и трусить — это все-таки разные вещи.

Мы направились к женскому туалету, и он резко распахнул дверь. Внутри была только Велина, явно ожидавшая нас.

— Слушай… — не успел я закончить, как получил удар в спину.

Из-за неожиданности не удержался на ногах и упал на кафельный пол. Я был не готов к такому предательству. Следующий удар пришелся по почкам и животу, затем он поднял меня за грудки и ударил кулаком по лицу. Я сразу ощутил металлический привкус. Из носа потекла кровь, капая на белоснежную плитку.

Всё стало ясно: ему не нужна была правда — у него была одна цель, и он её достиг.

— Спасибо, Макс, — ласково поблагодарила Велина, подойдя и обняв за шею. — Ты мой герой, — с этими словами поцеловала его в губы.

— И это вся моя награда? — ухмыльнулся он, запуская руку под её юбку.

— Только не здесь, — она отстранилась, одергивая юбку. — Можешь идти, — бросила она парню.

— А как же ты?

— Я за тобой, — промурлыкала она.

Макс вышел, оставив меня лежать на полу, окровавлен-

ного и униженного. Велина посмотрела свысока, наклонившись, притянула за грудки.

— Держи язык за зубами, — в ярости прошипела она, отпуская и вытирая руки о юбку, как будто испачкалась от одного прикосновения.

Глава 4. Велина.

Сейчас…

— Подъем, Велина, твоя очередь, — сквозь пелену сна донесся голос Фаддея.

С трудом разлепив веки, попыталась осознать, где нахожусь.

— Уже пора? — сонно пробормотала, неохотно принимая сидячее положение.

— Время почти три ночи, я и так дал тебе поспать немного дольше, — ответил Фаддей, устраиваясь поудобнее на ложе из лапника. — Вода в котелке, умывайся и будь начеку. И не забудь подкинуть дров в костер, он должен гореть всю ночь.

Я поднялась, умылась ледяной водой — по телу пробежала дрожь, зато голова сразу прояснилась. Устроившись поудобнее, я заметила, как Фаддей мгновенно погрузился в сон — всего лишь положив голову на рюкзак, который служил подушкой, и накрывшись курткой, высохшей на солнце. Вот уже несколько минут он сопел.

Эта ночь действительно была гораздо комфортнее. Дождя не было, одежда высохла. Пока я ловила рыбу, Фаддей успел построить односкатный шалаш и уложить пол свежим лапником. Спать было мягко, а аромат хвои щекотал ноздри, успокаивая и умиротворяя. Я подкинула несколько веток в костер, и пламя весело заплясало, отбрасывая причудливые

тени на полог шалаша. Лес жил своей жизнью, полной звуков и шепотов, которые я старалась различить. Каждый шорох, каждый треск казались предвестниками опасности.

Вечером удалось поймать еще три рыбины, и бульон получился наваристым и ароматным. Даже Леди перепала небольшая порция. А собранная днем земляника и чай из чаги завершили скромный ужин. Собака, между прочим, давно уже влилась в эту дикую жизнь и все чаще отлучалась на поиски пищи. Голод изменил её сущность — из холеной диванной собачки она превратилась в хищника. Сейчас она мирно дремала у ног, положив морду на мою сумку. Louis Vuitton безупречно выдержал все испытания и оберегал тайну. Я несколько минут смотрела на неё, чувствуя, как непрошенные слёзы собираются в уголках глаз. Мне еще нужно пережить всё это и восстановить то, что было сломано.

Вздохнув, я опять поймала себя на том, что ищу кончиком пальца кольцо от Cartier, подаренное дорогим человеком на окончание школы. След от постоянного ношения еще оставался на пальце. Сколько воды утекло с тех пор, сколько горьких слов сказано…

Нужно прекратить.

Кольца больше нет, а прощения еще нужно заслужить. Потерла переносицу, отгоняя навязчивые воспоминания. Сейчас главное — выжить, а с остальным разберусь как-нибудь потом.

Несмотря на страх перед дикими зверями и терзающими

душу воспоминаниями, сон одолевал. Казалось, за эти дни я вымоталась так, как никогда в жизни. Веки наливались свинцом…

Тогда…

Я стояла в торговом центре и смотрела через стекло на баночки с конфетами. Как бы хотелось попробовать хотя бы одну! Разноцветные, разных форм и размеров, они приковывали внимание. Словно маленькие драгоценности, каждая конфетка обещала взрыв вкуса, мгновенное счастье, блаженство. В животе предательски заурчало. Вспомнила о маме, она сказала ждать здесь. Быстрее бы пришла, может, купит хоть одну. В последние дни старалась вести себя хорошо: не капризничала, не шумела, во всем слушалась.

Рядом пробежали дети, звонко смеясь и размахивая пакетами, полными тех самых соблазнительных лакомств. Один из них споткнулся и выронил несколько конфеток прямо у моих ног.

Красные, в форме сердечек, они выглядели особенно соблазнительно. Невольно опустила взгляд на кроссовки, которые из бело-розовых давно уже превратились в грязные, серые развалины. Одна конфетка лежала совсем близко. До нее было рукой подать, и никто бы даже не заметил.

Рука потянулась помимо воли. В голове разгорелась нешуточная борьба: разум твердил, что поднимать с пола — это мерзко и недостойно, а искушение шептало о мгновен-

ном, ни с чем не сравнимом удовольствии.

Пальцы коснулись прохладной, гладкой поверхности конфеты. Я подняла её, рассматривая на свет. Аромат клубники ударил в нос, дразня и маня. Соблазн был почти невыносим. Оглянувшись по сторонам, торопливо сунула конфету в рот.

Вкус был восхитительным. Сладкая, ягодная волна окутала с головой, мгновение чистого, ничем не омраченного наслаждения. На секунду забыла обо всем: о маме и ухажёрах, которые так часто приходили к нам в дом и надолго запирались с ней в комнате. О том, что кроссовки нещадно жмут и их давно пора было заменить, но перед походом на рынок мама снова ушла в запой, и мои заботы отошли в самый конец её проблем. Сейчас важна была только эта конфета — глоток радости, которую она принесла.

Но эйфория быстро прошла. Вслед за ней пришло чувство опустошения. Глупое, иррациональное, но, от этого не менее ощутимое, оставившее легкий привкус клубники на языке. Взглянула на оставшиеся на полу конфеты. Дети уже скрылись из виду, на меня никто не смотрел.

Поднять или оставить?

Снова огляделась. Никто не обращал на меня внимания. Люди спешили по делам, погруженные в мысли. Наклонилась и собрала оставшиеся конфеты, бережно укладывая их в ладонь. Я съем их позже, когда захочу, и буду беречь.

— Пойдем, — произнесла мама, наконец выйдя из соседнего магазина

Я послушно поплелась следом. У самого выхода из торгового центра она вдруг остановилась, у огромного рекламного баннера, возвышавшегося прямо над дверями. «Приглашаем на открытие нового Торгового центра…». Я уставилась на яркие буквы, читая по слогам. Я училась во втором классе, часто пропускала занятия — читать быстро не получалось.

«…Incity Mall! Праздничные скидки, развлечения для всей семьи!» Мама бегло пробежала глазами по остальному тексту.

— Incity Mall… — пробормотала, словно пробуя название на вкус. — Новый, значит? — усмехнулась она. — Велина, видишь этого дядю на баннере? — спросила, показывая пальцем с облупившимся красным лаком на симпатичного мужчину в дорогом костюме.

— Да, — ответила я, не отрывая взгляда от лица незнакомца.

— Это твой отец. Подонок! — процедила она сквозь зубы.

— Мой отец? — переспросила я, заикаясь от неожиданности, стараясь запомнить каждую черточку на лице незнакомого человека: темные волосы, низко посаженные брови, выразительные глаза.

— Да, именно он — Мурашев Павел Александрович, — хмыкнула мама. — Еще один Торговый центр строит, а алименты так и не увеличил.

Я смотрела на фотографию, как завороженная. Никогда раньше мама не говорила об отце, словно тот и не существо-

вал. А теперь он был здесь, улыбающийся с огромного баннера, успешный и недосягаемый. Неужели у меня может быть такой отец? Богатый владелец торговых центров, а не пьяница, пропивающий последние деньги?

Мама грубо дернула за руку, вырывая из оцепенения.

— Пошли, некогда тут стоять. Еще кто знакомый увидит — стыдоба.

Мы вышли на улицу, и я крепче сжала в руке собранные с пола конфеты. Теперь они казались какими-то другими, не такими вкусными и желанными. Словно вместе с радостью они вобрали в себя горький привкус правды.

Дома мама опять заперлась в комнате с очередным мужчиной, который уже несколько дней жил у нас. Я осталась в одиночестве, достала конфеты и долго смотрела на них. Красные сердечки, символ любви и верности, теперь напоминали о другом — о лжи и одиночестве. Открыла окно, чувствуя, как холодный ветер обдувает лицо. Медленно, одну за другой, выбросила конфеты в ночную темноту.

На следующий день после школы, отправилась к новому торговому центру. Хотела просто взглянуть на него, на эту реальность, в которой существует отец. Incity Mall сверкал огнями, манил яркими витринами и обещаниями счастливой жизни. Стояла в толпе, чувствуя себя маленькой и потерянной, но впервые за долгое время во мне появилась злость на кого-то другого, кроме мамы.

С тех пор старалась избегать этих торговых центров, даже

с подругами ходила туда без особого энтузиазма. Повзрослев, узнала, что отец исправно платит алименты, если мама обходится без алкоголя хотя бы полгода: наша квартира преображалась, в ней появлялась новая бытовая техника, мама начинала хорошо одеваться, тратить деньги на меня, закрывать старые долги. Но стоило лишь пригубить спиртное, как за считанные недели все купленное продавалось за бесценок. Он словно откупался от меня, не желая встречаться. Почему? Складывалось ощущение, что я — страшная тайна, от которой он мечтал избавиться.

Начался восьмой класс, и твердо решила окончить его с отличием. Нужно было усердно заниматься, чтобы компенсировать прошлые года, когда училась кое как. Набрать высокие балы на экзаменах и бесплатно поступить в престижный техникум. Я знала, что это по силам.

Мама уже месяц была в запое, и я старалась абстрагироваться от постоянных пьяных гулянок, посвящая все время учебе. Со временем научилась жить в ожидании и, когда появлялась возможность, запасалась крупами и консервами, чтобы хоть как-то питаться во время беспробудного пьянства. Кроме того, мама давала карманные деньги, которые откладывала на черный день. Когда она была трезвой, то превращалась в любящую и заботливую мать: всегда поддерживала и не жалела денег на просьбы. Стоило прийти в себя, как выгоняла из дома всех мужчин и полностью посвящала себя мне. Я не стеснялась просить купить то, что нуж-

но, зная, что если снова сорвется, то о деньгах можно будет забыть. В крайнем случае, могла перепродать вещь, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

С каждым годом мамины ухажеры все чаще бросали на меня похотливые взгляды, но я была начеку: никогда не одевалась вызывающе и всегда запирала дверь на шпингалет, который собственноручно прикрутила к двери.

— Уроки делаешь? — спросила она пьяным голосом. Я лишь молча кивнула, не отрываясь от учебника.

— Молодец, в отца пошла, — пробормотала она неожиданно улыбнувшись. — Я вот учиться терпеть не могла.

Впервые видела, что она вспоминала об отце и улыбалась. Я не стала ничего отвечать не хотя вступать в разговор. Она же, словно не замечая молчания, направилась к шкафу и распахнула дверцы. Стала перебирать скромные пожитки.

— А где дублёнка, которую мы купили летом? — спросила удивленно.

Начиналась неприглядная глава жизни, где имущество становилось разменной монетой.

— Ты же неделю назад её продала, — выпалила, не дрогнув ни единым мускулом.

— Как это? — она уставилась растерянным взглядом.

— Ну, как обычно, когда дядя Сергей у нас жил, ты забрала микроволновку и дублёнку и продала. Разве не помнишь?

— Не помню, — покачала головой, словно пытаясь вытряхнуть из неё воспоминания.

Я знала, что она не помнит. Алкоголь стирал целые страницы из памяти, оставляя после лишь смятение и последствия и этим стоило пользоваться. Но это не давало право на слабость. Я должна была лгать, чтобы защитить оставшиеся крохи. Дублёнку продала, как только почуяла приближение запоя, а деньги тайком спрятала под рассохшимся паркетом в углу комнаты, накрыв стопкой учебников. Другой предмет мебели может быть продан, а вот учебники она продать вряд ли додумается.

Она еще немного порылась в шкафу, словно надеясь, что дубленка волшебным образом появится снова.

— Ладно, не важно, — махнула рукой и, пошатываясь, вышла из комнаты.

Я закрыла дверь и вновь погрузилась в учебники. Я должна была продолжать, должна была вырваться из этого порочного круга, где алкоголь правит балом, а жизнь зависит от следующего запоя матери. Слышала, как она копалась на кухне, открывая и закрывая шкафчики, очевидно в поисках чего-то, что можно было бы продать. Прикрыв глаза, задышала, медленно стараясь успокоиться и не обращать внимание.

Видимо поиски увенчались успехом, потому что недолго погодя услышала, как она ушла. Мама пришла поздно с каким-то мужиком, по голосу не узнала кто это, только крепче укуталась в одеяло и заснула снова.

Проснулась от того, что пахло дымом. Села, прислуша-

лась. Это был не сон: дым сочился из-под двери, и до меня доносился треск пламени. Вскочив, ринулась к двери и распахнула её. Коридор был окутан дымом, языки пламени отбрасывали тени из маминой комнаты. Схватив шарф, висевший в прихожей, закрыла им рот и нос. Огонь уже пожирал мебель и дешёвые бумажные обои. На кровати лежал человек, я не раздумывая, бросилась в комнату, но, приблизившись, поняла, что это не мама, а тот самый незнакомый мужчина. Обжигающий дым резал лёгкие, я отшатнулась, осознавая, что ему уже не помочь. Мысль о маме заставила действовать. Кинулась на кухню, но там было пусто. Ванная — тоже никого. И вот она — туалет. Похоже, её вырвало, и до кровати она не дошла — уснула прямо у унитаза. Я попыталась поднять её, но сил не хватало. Несмотря на высокий рост, я была очень худой из-за постоянного недоедания.

Отчаяние сдавило горло. Понимала, что нужно бежать, но не могла бросить мать. Собрав остатки сил, попыталась перетащить её к выходу. Тянула за руки, спотыкаясь и задыхаясь в едком дыму. Ноги заплетались, в глазах темнело, но упрямо шла вперёд, волоча бесчувственное тело. Каждый метр давался с неимоверным трудом. Казалось, что огонь становится всё ближе, преграждая путь. Горячий воздух обжигал лицо, а кашель раздирал грудь. Выбравшись, наконец, из квартиры, рухнула на лестничной площадке рядом с матерью, обессиленная. Дышать было тяжело, я надрывно кашляла. Собрав последние силы, стала стучаться в ближайшие

двери.

— Пожар! Просыпайтесь! — кричала я, барабаня кулаками.

Соседи начали выходить из квартир в панике, собирая и вынося самое ценное. Сирены пожарных машин разорвали тишину ночи. Смотрела, как огнеборцы, облаченные в защитные костюмы, врываются в горящее здание, как из окон валят клубы черного дыма. Чувствовала себя окаменевшей, неспособной ни на что, кроме как наблюдать. Осмотрев меня, нашли ожог на руке и дали подышать кислородом, на всякий случай тоже забрали в больницу. Маму же увезли в реанимацию.

Уже светало, когда пришли полиция и социальные работники.

— У вас есть кому позвонить? — спросила женщина в джинсах и свитере с высоким горлом.

— Нет, никого, — ответила я охрипшим голосом.

— Тётя, дядя, бабушка, может быть? — настаивала она.

Мама была сиротой. Знаю, что были дальние родственники, но на с ними не общалась. В дни запоев её окружали такие же, как она, а в периоды трезвости она гордо отмахивалась от любой помощи, делая вид, что ни в ком не нуждается.

— Мы вынуждены будем вас отправить в детский дом, — произнесла женщина, и эти слова прозвучали как приговор.

Только не туда!

Я знала, как система ломает детей и поэтому никогда не

жаловалась о пьянках матери; понимала, что лучше потерпеть несколько месяцев, чем попасть в детский дом.

— Отец! — выпалила я. Женщина, назвавшаяся Татьяной Сергеевной, посмотрела с ожиданием. — У меня есть отец, — сказала, уже тише.

— Прекрасно, как его зовут? — спросила, делая недовольное лицо, будто я была виновата в том, что ей приходится тратить время на поиски отца, когда он, по идее, должен был быть рядом.

— Мурашев Павел Александрович, — ответила я.

— Есть номер телефона или адрес, где он живёт? — спросила с нажимом.

— Нет, — покачала головой. Полицейские и Татьяна Сергеевна недовольно поджали губы, явно не рассчитывая на то, что им придётся тратить время на поиски человека. — Но я знаю, как его найти, — выпалила, надеясь, что это хоть как-то изменит их отношение. — Он… он… владелец Incity Mall.

Брови Татьяны Сергеевны медленно поползли вверх. Полицейские переглянулись.

— Ничего не путаешь, Велина? — спросила женщина, взяв себя в руки.

— Нет, он мой отец, — произнесла уверенно, пытаясь развеять сомнения в голове этой дамы о том, что богатый и известный предприниматель может быть отцом такой, как я.

— Смотрите, у неё фамилия и отчество совпадают, — заметил один из полицейских, просматривая документы.

Татьяна Сергеевна откинулась на спинку стула, задумчиво глядя в потолок. Она явно не ожидала такого поворота событий. Полицейские тоже затихли, обмениваясь взглядами. "Incity Mall"… это звучало совершенно невероятно на фоне этой обгорелой квартиры и вечно пьяной матери. Татьяна Сергеевна достала телефон и начала что-то быстро печатать, видимо, проверяя информацию. Минуты тянулись мучительно долго, пока женщина не оторвалась от экрана и не посмотрела на меня совершенно новым взглядом. В нём читалось что-то среднее между сомнением и непониманием.

— Хорошо, Велина, мы свяжемся с ним. «А пока ты временно останешься здесь», —произнесла, уже более мягким тоном.

После обеда Татьяна Сергеевна снова появилась. Сообщила, что с Павлом Александровичем связались, и он скоро приедет. Я от всего произошедшего и ожидания встречи. Врач сказала, что состояние матери стабильно тяжёлое, но есть надежда. Помимо отравления дымом и алкогольной интоксикации, выяснилось, что у неё серьёзные проблемы с печенью, что значительно осложняло ситуацию.

Я ожидала встречи с совершенно незнакомым человеком и испытывала ужас. А если он откажется? А если не захочет меня знать, раз никогда не проявлял интереса? Неужели всё-таки отправят в детский дом?

Наконец, он приехал. Выглядел растерянным и удивлённым. Его глаза, такие же большие и выразительные, как на

рекламном плакате, изучали меня с тревогой и… надеждой? Седина слегка тронула чёрные волосы, но это лишь придавало благородный шарм и добавило привлекательности. Он подошёл ближе и крепко-крепко обнял меня. Объятия были как спасательный круг, брошенный утопающему, и я знала, что должна этим воспользоваться.

Глава 5. Фаддей

Сейчас…

Солнечный луч, нахально скользнув по векам, вырвав из сна. Тяжелое осознание обрушилось лавиной: я застрял в Тайге с Велиной. Ждем помощи, а для этого нужен огонь, но костер давно погас, оставив лишь остывшие угли.

— Чёрт! — выругался я, оглядывая пепелище.

Велины тоже нигде не было. Куда понесло эту бестолковую блондинку вместе с глупой собачонкой? С трудом разминая затекшее тело, выбрался из-под укрытия и огляделся. Озеро, словно огромное зеркало, безмятежно отражало утреннее солнце, не выдавая, что в глубинах покоятся обломки вертолёта и оборванная жизнь.

— Велина!!! — крикнул.

Голос эхом прокатился между сосен, растворяясь в утреннем безмолвии. Лишь какая-то наглая птаха, чирикая, нарушала эту тишину, явно не разделяя моего отчаяния.

Бестолковая!

Сейчас бы ее бестолковость пришлась как нельзя кстати. Хоть бы веток принесла, что ли. Или просто подала голос.

Велина хоть и была той еще головной болью, но потере её я бы не обрадовался. В тайге одной находиться опасно. Медведи, волки, да и просто заблудиться — вариантов много, и все они не сулили ничего хорошего.

Решил не ждать, прихватил с нож, который всегда держал рядом, это не смертельное оружие, но с ним чувствовал себя безопаснее. Двинулся в сторону леса, внимательно изучая землю под ногами. Мои следы, да вчерашние от Велины и лап шпица. Ничего нового. Вдруг, краем глаза, заметил что-то светлое, мелькнувшее за деревьями. Сердце екнуло. Пошел быстрее, продираясь сквозь густые заросли. Выйдя на поляну, поросшую кислицей, наконец увидел ее.

Велина стояла спиной, беспечно забыв обо всех опасностях, о которых предупреждал. Срывала стебли и тут же отправляла их в рот. Спортивные штаны выгодно подчеркивали изгиб бедер, а тонкая футболка обрисовывала высокую грудь. «На завтрак, значит, пришла», — процедил я сквозь зубы, прикидывая, как бы проучить. Белый шпиц (на самом деле сейчас уже серовато-грязный) резвился рядом, гоняясь за бабочками, и, как понял, тоже не заметил моего приближения.

Ну, сейчас вам устрою!

Подкравшись бесшумно, издал громкий звериный рык. Велина подпрыгнула, как ужаленная, и резко обернулась, роняя недоеденную кислицу. В глазах застыл испуг, смешанный с удивлением. Шпиц залаял, встав, между нами, демонстрируя готовность защищать хозяйку.

Дрянь!

— Ты… ты совсем идиот?! — возмущенно воскликнула Велина, хватаясь за грудь. — Я чуть сердце не выронила!

— У нас тут не пикник, Велина! Костёр потух, уже давно! А ты тут завтрак устроила! И почему одна ушла? Я уж думал, тебя медведь сожрал!

Велина надула губки, как обиженный ребенок.

— Я… я просто решила немного прогуляться. И потом, не виновата, что ты плохо объяснил, как часто надо дрова подкладывать! — выпалила она, повышая голос.

— Дурында, да ты стопудово уснула и даже не подумала, что сюда зверь дикий выйти может!

— Ах, такой умный, сам бы и следил, чего на меня все спихивать…

— Я вот с первой встречи не могу понять, ты и вправду такая непроходимая дура или просто прикидываешься? — не выдержал я.

Её красивое лицо исказила гримаса гнева, и она со всего размаху влепила мне пощёчину.

Я опешил, не ожидая такой реакции. Щёку слегка покалывало. Шпиц, видя, что дело принимает серьёзный оборот, перестал лаять и с любопытством следил за происходящим.

— Да как ты смеешь! — завопила Велина, ее глаза метали молнии. — Я тебе не дура! И вообще, ты меня бесишь! Всегда придираешься и считаешь себя самым умным!

— Это ты всегда сама из себя! Я думал, хоть годы сбили с тебя спесь, а ты так и осталась напитанная ядом пустышка!

— Напитанной ядом пустышкой?! — Велина готова была наброситься на меня с кулаками. — Да ты сам… Просто

невыносим! Вечно недоволен, вечно критикуешь! Я пытаюсь как лучше, а ты…

— Ты хоть раз пыталась? Когда ты вообще хоть что-то пыталась? Всё всегда подносили на блюдечке, даже отца своего ни во что не ставишь…

— Не смей трогать моего отца! Ты ничего не понимаешь!

— Да что ты говоришь? А что нужно понимать? Мне достаточно того, что ты променяла его на того, кому никогда не была нужна. И что теперь? Опять понадобилась его помощь, деньги? Или маман снова в какую-то историю влипла? Явилась, как гром среди ясного неба, и вот я — принимайте! Ничего не спрашивайте. Чего тебе надо, Велина? — выпалил я.

Но Велина смотрела куда-то мимо, глазах плескался ужас. Медленно разворачиваясь, я уже знал, что увижу.

— Велина, послушай, — тихо сказал, сжимая её ладонь. — Только не убегай.

Из чащи, переваливаясь с боку на бок, выходил медведь. Его лоснящаяся бурая шкура играла на солнце. Велина словно оглохла. Парализованная страхом, не отрывала взгляда от приближающегося зверя. Шпиц заскулил и прижался к ногам. Не выпуская руки Велины, медленно отступал назад, стараясь не делать резких движений.

— Велина, тихо, — прошептал, не сводя глаз со зверя. — Только не беги.

Медведь потянул носом воздух и шумно выдохнул, словно вместе с этим вдохом в его чуткий нос попал раздражи-

тель. Посмотрел на нас исподлобья, встал на задние лапы и издал оглушительный рёв. Психика Велины не выдержала. Она вырвала руку и бросилась бежать. Мне ничего не оставалось, как сорваться следом, а медведю пустится в погоню.

Тогда…

Зал преображался в преддверии новогоднего маскарада. Уже через пол месяца сотни лицеистов закружатся в вихре маскарадных костюмов. А я до сих пор не решился пригласить Камиллу.

Больше двух месяцев встреч после уроков, мимолетных поцелуях на переменах…

Это можно назвать отношениями?

Она младше на класс, и оттого, наверное, еще неудобнее от собственной нерешительности. Казалось бы, что может быть проще?

Не то чтобы боялся отказа или стеснялся, но какая-то неведомая сила словно не давало озвучить приглашение. Но сегодня — всё, времени уж нет, пан или пропал. Ждал Камиллу в холле, краем глаза наблюдая за тем, как рабочие колдуют над украшением спортивного зала.

И вот, в конце коридора появилась знакомая фигурка. Лёгкая, почти танцующая походка, тёмные прямые волосы, обрамляющие милое личико с азиатскими чертами. Миниатюрная, с приятными округлостями, она была очаровательна, хотя и не обладала той ослепительной красотой, что

Велина. Стоило высокой блондинке войти в столовую, как взгляды немедленно приковывались к ней, невзирая на то, что многие её недолюбливали. Камилла же была незаметной, тихой мышкой, никогда не привлекавшей внимания. Может, это и к лучшему. Может, именно такая девушка мне и нужна. С такими, как Велина, одни проблемы. А с Камиллой ждёт стабильность, да и нравлюсь я ей, в отличие от той, второй. Как говорится, лучше синица в руках…

Камилла, увидев меня, засияла своей фирменной, немного застенчивой улыбкой. В этот момент все сомнения развеялись окончательно.

— Привет, — произнесла она, подойдя ближе. — У тебя же вроде уже закончились уроки?

— Да. Я ждал тебя, — она удивленно вскинула брови. — Тут такое дело… Скоро маскарад. И я хотел тебя пригласить. Пойдешь со мной?

Её глаза расширились от неожиданности, щёки тронул лёгкий румянец. Она на мгновение замолчала, словно не веря своим ушам.

— Я… я с удовольствием, — прошептала она, опустив взгляд.

Я облегчённо выдохнул, понимая, что самый трудный шаг сделан. Камилла подняла глаза, и в них увидел искреннюю радость и благодарность. В этот момент почувствовал себя по-настоящему счастливым. Вот, пожалуй, что нужно. Девушка, которая будет меня обожать. И стоит перестать заби-

вать голову длинноногими высокомерными блондинками.

— Отлично, — сказал я, стараясь скрыть волнение. — Тогда договорились. Встречаемся у входа в лицей в семь вечера?

— Да, хорошо, — согласилась она, вновь улыбнувшись.

Одевшись, мы направились к выходу. Снег мягко оседал на волосы и плечи. У ворот уже ждал водитель Камиллы, мне же предстояло добираться на общественном транспорте. Мама не всегда могла встретить, а такси могли позволить себе только в непогоду. Чтобы не мокнуть под дождем или не замерзать в мороз, ожидая автобуса на остановке.

Едва вышли из ворот, как к нам подошла женщина. На голове — грязная шапка, из-под которой выбивались сальные волосы. Несмотря на это, на ней был макияж. Женщина явно старалась выглядеть лучше, но неровно подведённые глаза и помада, выходящая за контур губ, не придавали ожидаемого эффекта.

— Молодой человек, — обратилась она ко мне и схватила за рукав грязными ногтями.

Камилла потянула в сторону, пытаясь отвязаться от нежелательного разговора с этой особой. И тут я её узнал. Это была та самая женщина, которую видел с Велиной в кафе. Разве что тогда она одета была приличнее и выглядела как не после недельного запоя.

— Пошли быстрее, — сказала Камилла, не переставая тянуть за рукав.

— Подожди, пожалуйста, — попросил, стараясь как можно нежнее освободить руку и подавить раздражение от её поведения. — Что вам нужно?

— Вы знаете Велину Мурашеву? — спросила она, дыхнув перегаром.

— Да, — неуверенно подтвердил я.

— Можете ей это передать?

Она сунула мне в руку смятый комок бумаги, от которого ударил в нос едкий запах дешёвого парфюма, смешанного с табачным дымом.

— Передам, — буркнул я, засовывая листок в карман куртки.

Женщина, казалось, осталась довольна. Она коротко кивнула и, резко развернувшись, заспешила прочь, растворяясь в толпе прохожих. Камилла тут же вцепилась в руку и потащила к машине. Водитель уже держал дверцу распахнутой.

— Что это было? — требовательно спросила она, остановившись. В голосе сквозила тревога.

— Не знаю, — пожал я плечами. — Не бери в голову. До завтра, — чмокнул её в щёку и отстранился.

Проводив взглядом отъезжающую машину, вернулся в здание. Знал, что Велина с подругами репетирует номер к празднику и надеялся застать её там. Не хотелось тянуть с передачей записки, вдруг там что-то важное.

Я застал Велину перед сценой, в плотном кольце подруг, увлечённо обсуждавших что-то своё. Длинные, пепельные

волосы, небрежно собранные в высокий пучок, открывали точёную линию шеи, и даже эта нарочитая небрежность лишь подчёркивала безупречность. Обтягивающие легинсы и короткий топ, дерзко обнажающий полоску светлой кожи, отделяли от привычного образа школьницы. Пожалуй, я впервые видел её вне лицейской формы, и этот факт не позволял отвести глаз. Я изучал каждый изгиб тела, каждый дразнящий миллиметр светлой кожи между резинкой легинсов и краем топа. Это зрелище, эта внезапная, почти физическая реакция тела, застала врасплох. Даже объятия и поцелуи с Камиллой никогда не вызывали подобной бури. Нужно было срочно взять себя в руки, иначе моё состояние станет очевидным для всех в зале. Собравшись, глубоко вздохнул и, наконец, решился подойти.

— Велина, — произнёс, стараясь привлечь внимание.

Велина повернулась, окинув ленивым, равнодушным взглядом. Подруги затихли, с нескрываемым любопытством наблюдая за разворачивающейся сценой.

— Тебе что-то нужно? — спросила она надменно.

— Поговорить, — ответил, стараясь говорить чётко, чтобы не выдать волнения.

— И о чём же мне с тобой разговаривать? — спросила с презрительной усмешкой, словно я был не более чем назойливой мухой.

— Не думаю, что тебе понравится, если скажу это при всех, — теперь моя очередь ухмыльнуться, наблюдая, как её

надменность даёт трещину.

— Пойдём, — бросила она, отделившись от свиты и направляясь к кулисам в конце зала.

— Говори, — потребовала она, скрестив руки на груди.

— Тут такое дело, — достал из кармана помятый листок и протянул. — Тебе та женщина из кафе просила передать.

Велина нахмурилась, взяла записку и торопливо развернула её. Пробежав глазами по строкам, её лицо в моменте преобразилось, словно кто-то щёлкнул выключателем. Удивление сменилось тревогой, а затем отчётливым гневом.

— Что она тебе сказала? — резко спросила Велина, сжимая бумагу в кулаке так, что побелели костяшки.

— Ничего особенного, просто попросила передать.

— Надеюсь, не стоит напоминать, что тебя ждёт, если об этом кому-нибудь расскажешь?

— Я думал, ты поняла, что тогда был не я, — сказал, чувствуя, как гнев поднимается во мне при воспоминании об этом случае.

Она фыркнула и подошла вплотную, наклонившись ко мне так близко, что почувствовал аромат духов — терпкий, травянистый, напоминающий вкус ягоды, но какой не мог понять.

— Держи язык за зубами, — прошептала на ухо посылая волну приятной дрожи по телу.

Слова звучали как угроза, но в то же время в них проскальзывала какая-то отчаянная мольба о помощи. Я видел

испуг, скрывающийся за показной самоуверенностью.

— Тебе нужна помощь? — спросил тихо, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Велина отпрянула, будто я обжёг её. Она посмотрела долгим, изучающим взглядом, словно пытаясь понять, чего стою. В глазах мелькнуло мимолётное желание поделиться, но оно тут же исчезло, и лицо вновь окаменело.

— Не лезь не в свое дело, — прошипела она и, развернувшись, быстро пошла прочь, оставив стоять в замешательстве среди декораций.

Глава 6. Велина

Сейчас...

Медведь, словно потеряв интерес к истерзанному стволу дерева, на который мы вскарабкались, теперь лишь взирал наверх. Два жалких "завтрака" таращились на него сверху огромными, перепуганными глазами. По крайней мере, мои точно были полны ужаса. Несмотря на здравый смысл, твердивший о бесполезности бегства, первобытный инстинкт взял надо мной верх, и я, сломя голову, ринулась прочь, не думая о последствиях.

— Не забудь напомнить в следующий раз, чтобы я ни при каких обстоятельствах с тобой не связывался, — прошипел Фаддей, балансируя на соседней ветке.

Я понимала, что поступила опрометчиво, поддавшись панике. Медведь, скорее всего, только и ждал подобного безрассудного поступка. Но адреналин бурлил в крови, заглушая остатки разума.

— А ты не забудь напомнить, чтобы я больше никогда в жизни не поворачивалась к тебе спиной, — огрызнулась, ни за что не желая признавать ошибку.

— Не понял, — протянул он, нахмурившись.

— Конечно, куда уж тебе понять! Наверняка только и мечтал, как бы облапать мою задницу.

— Что? Ты совсем ду… ненормальная?

— Я как раз таки совершенно нормальная, это ты извращенец. Только и ждал удобного момента, чтобы меня полапать! Ну, теперь на трогался вдоволь, и как тебе? — выпалила я, крепче ухватившись за ствол дерева.

— То есть, когда помогал тебе забраться на дерево в тот момент, когда медведь несся к нам… Всерьез думаешь, что думал о твоей заднице? — прорычал он. На щеке всё ещё был виден красный след от пощёчины.

— У тебя всегда глаза бегают, когда рядом стоишь. Думаешь, не вижу, как пялишься? Только отвернись — и уже сканируешь меня с ног до головы!

Фаддей сплюнул на землю, чудом не попав в медведя, который все еще скучал внизу.

— Да мне твоя… ну, ты поняла, как кость в горле! Посмотрел бы я, если бы не помог. Сидела бы сейчас у медведя в брюхе, вместе со своим самомнением и подозрениями.

— Вот тебе и "извращенец"! — прокричал он, перекрывая треск. — Сейчас вместе будем у медведя в животе, благодаря твоей паранойе! Может, хоть там успокоишься!

Медведь, словно устав от бесплодных попыток достать нас с земли, вдруг поднялся. Передние лапы с растопыренными когтями легли на ствол, и кора жалобно захрустела под тяжестью зверя. Я почувствовала, как дерево едва заметно вздрогнуло, будто от толчка, и вцепилась в ветку так, что заныли пальцы.

— Он залезет, — выдохнула я, и собственный голос по-

казался мне чужим и тонким. — Фаддей, он правда залезет, он уже пробует, смотри, он подтягивается!

Медведь действительно подтянулся, цепляясь когтями за неровности коры, и его морда оказалась заметно выше. Я видела, как напряглись мышцы на его спине, как он перебирал задними лапами, ища опору у самого корня. Ещё немного — и он дотянется до нижних веток, а там уже и до нас недалеко.

— Не должен, — отрезал Фаддей, но голос у него тоже сел, и говорил он тише, чем прежде. — Он крупный слишком. Тяжёлый. Такой на дерево не полезет до конца, ему ветки не выдержат, да и сам сорвётся.

— А если выдержат? — я не отрывала взгляда от медведя, боясь даже моргнуть.

— Вот был бы помоложе и поменьше — тогда да, тогда бы я поверил, — Фаддей немного подался вперёд, оценивая зверя так же внимательно, как я. — А этот старый уже. Видишь, как он лапы ставит? Осторожничает. Молодой бы с ходу рванул, без раздумий. А этот будто сам не верит, что у него получится.

Медведь словно в ответ на его слова замер, повёл головой из стороны в сторону, принюхиваясь, и медленно сполз обратно на землю. Он не ушёл — просто опустился на все четыре лапы и снова принялся мерить шагами пространство, изредка поглядывая вверх.

— Видишь? — Фаддей выдохнул и вытер лоб рукавом. — Понял, что не по зубам ему это дерево. Будет теперь карау-

лить. Терпеливый, гад.

Адреналин немного отступил, и я начала осознавать всю серьёзность ситуации. Мы сидим на дереве, внизу медведь, солнце уже начинает припекать, а у нас нет ни капли воды с собой. И спорим, как школьники, позабыв о смертельной опасности.

Я украдкой покосилась на Фаддея. Он сидел на своей ветке, привалившись спиной к стволу. Непокорные кудри, беспомощно прилипли ко лбу, влажные от пота. Помню их шелковистую мягкость, когда-то пальцы утопали в них, перебирая. А эти руки, с набухшими венами, когда-то так бережно обнимали. Я отвела взгляд, чувствуя, как щеки заливает предательский румянец. Не время сейчас предаваться воспоминаниям, когда внизу нас ждет косолапый кошмар.

— Ты видел Леди? — спросила, решив прекратить перепалку и отвлечься от воспоминаний.

— Твоя Леди отвлекла медведя, когда тот гнался за нами. Можно считать, что спасла нам жизнь, иначе не успели бы добежать. Хоть на что-то сгодилась, — ответил он, ничуть не расстроившись такому повороту событий. Как будто говорил не о живом существе.

— Ты думаешь, она мертва? — спросила всхлипнув, чувствуя, как наворачиваются слёзы.

Фаддей замолчал, избегая взгляда. Леди была не просто собакой, она была моим напоминанием, памятью о дорогом человеке, можно сказать, наследством, которое должна была

оберегать и лелеять. Мысль о том, что потеряла её, разрывала сердце на части.

— Я не знаю, — наконец произнес Фаддей, голос звучал глухо и неуверенно, как будто он сам боялся произнести это вслух. — Медведь мог просто отогнать. Но… — он запнулся, — медведь был очень зол.

Слезы потекли по щекам. Я закрыла лицо руками, пытаясь унять рыдания, которые сотрясали всё тело. Фаддей молчал, давая возможность выплакаться, изгнать страх и горечь. Я чувствовала его присутствие рядом, неловкую, почти детскую попытку поддержать.

— Хоть она и была бестолковой собакой, но совершила благое дело, — сказал Фаддей, нарушая тишину.

— Лучше бы ничего не говорил. Из тебя так себе со страдалец, — сказала, вытирая слезы тыльной стороной ладони наконец успокоившись. Фаддей только пожал плечами и уселся поудобнее, обхватив толстый сук ногами, как будто собирался провести здесь остаток своей жизни.

Становилось все жарче. После испуга и выплаканных слез пить хотелось еще больше. Я следила за медведем краем глаза, он, казалось, уходить вообще не торопился. Как будто медвежьи дела могли подождать, и у него в распоряжении всё время мира. Старалась не смотреть на Фаддея, хотя чувствовала, что он не стеснялся меня пристально рассматривал. Каждый раз бросало в жар, когда чувствовала кожей взгляд, и мне нравилось делать вид, что не замечаю внима-

ния.

Я подняла край футболки и завязала его под грудью оголяя живот. Солнце палило нещадно, и я чувствовала, как пот стекает по спине.

— Получишь солнечный ожог, не буду тебя лечить, — проворчал Фаддей, отворачиваясь.

Я всегда воспринимала его как мальчишку, который стоит на моём пути, хоть и довольно симпатичного. У него всегда были мужественные черты лица, волевой подбородок, скулы, очерченные словно у греческого бога. Волосы цвета темного шоколада, которые всегда вились, и глаза — глубокие, серые, серьезные, в которых иногда проскальзывали искорки озорства. Сейчас он выглядел еще привлекательнее. Он не был перекачанным, как большинство парней сейчас, но в ногах, обхвативших сук, чувствовалась сила, и мышцы проступали даже сквозь плотные джоггеры. На руках во время напряжения вздувались вены, по которым так и хотелось провести рукой, или, может, не только рукой… Но я упорно не хотела видеть в нем мужчину и боялась признать, что он мне нравится. Я скорее соглашусь жить на дереве с медведем внизу, чем просто признаю влечение.

Внезапно Фаддей вскинул голову.

— Слышишь? — прошептал он, нарушая сумбурные размышления.

Я прислушалась. Вдалеке, сквозь шум леса, доносился приглушённый звук вертолета.

— Они нас ищут! — взвизгнула я, забыв даже о медведе внизу, настолько была рада спасительному звуку.

Но радость в скором времени угасла, так как шум сначала приблизился, а потом отдалился и исчез, даже не напугав медведя.

— Чёрт!! — выругался Фаддей. — Думаю, даже не стоит напоминать, почему мы оказались в такой ситуации. Вообще, Велина, как дожила до стольких лет? Ты же сплошная катастрофа! — развел он руками и чуть не упал с дерева.

— Можешь сделать так еще раз, и я спокойно слезу, пока медведь будет обгладывать твои кости, — не осталась я в долгу, огрызнувшись в ответ.

Фаддей промолчал, сердито сверля взглядом. Я отвела глаза, чувствуя, как щеки начинают гореть. Ненавидела, когда смотрел так, будто видел насквозь. Будто знал все тайные мысли и желания, которые так тщательно скрывала даже от самой себя. И сейчас, когда вдвоем оказались в такой дурацкой ситуации, когда жизнь висела на волоске, эти мысли и желания становились только сильнее, настойчивее.

Время тянулось мучительно медленно. Медведь все еще бродил вокруг дерева, периодически вставая на задние лапы и пытаясь до нас дотянуться. Солнце палило нещадно, горло пересохло. Я чувствовала, как силы покидают. Фаддей сидел неподвижно, словно каменное изваяние.

Он был прав, в этой ситуации была виновата я, целиком и полностью. Это я уснула и не смогла поддержать костер.

Проснувшись, не смогла его заново разжечь и решила избежать гнева, отправившись на поляну за кислицей. Словно пучок травы мог помочь. И да, это я бросилась бежать, но эту вину я все же не признаю, черт его знает, как отреагировал бы зверь, если бы мы остались стоять истуканами.

— Слушай, — начала я, стараясь говорить как можно спокойнее. — Нужно что-то придумать, пока мы не упали замертво от обезвоживания. Есть какие-нибудь идя?

— Есть, — ответил он.

— Отличная идея, — мрачно ответила я, чувствуя, как раздражение снова начинает подниматься. — Поделишься? Или оставишь умирать в неведении?

Фаддей вздохнул и посмотрел на меня с укоризной, словно я была не разумным ребёнком.

— Будем сидеть и ждать, пока не уйдет.

— И долго ждать? — огрызнулась я. — Может, у тебя есть расписание медвежьих обходов? Или личный канал в MAXе, где они отчитываются о планах?

Фаддей проигнорировал саркастическую реплику и сосредоточенно смотрел куда-то вдаль, он действительно что-то обдумывал. Внутри надеялась, что у него есть хоть какой-то план. Любой, даже самый безумный, лишь бы не сидеть здесь и ждать, пока медведь решит, что мы достаточно промариновались и готовы к употреблению.

— У меня есть идея, — наконец проговорил Фаддей, и в голосе звучала напускная уверенность, скрывавшая за собой

отчаяние. — Она рискованная до безумия. Нам нужно будет как-то отвлечь этого увальня и попытаться спуститься с дерева. А потом… бежать, как черти от ладана.

— Отвлечь? — переспросила иронично. — Чем? Песнями? Танцами? Может, у тебя припрятан волшебный свисток для медведей?

Фаддей закатил глаза.

— У меня есть нож. Можем бросать в него ветки, кричать. Они не любят громких криков и шума. Главное, чтобы он отвлекся достаточно, чтобы мы смогли слезть. Ты побежишь первая, а я прикрою. Поняла?

— Когда он пришел на поляну, его не очень-то пугал шум, — напомнила я.

— Либо так, либо никак, — пожал Фаддей плечами.

Я молча кивнула, ощущая, как ледяная волна страха парализует тело. План был бредовым, самоубийственным, но у нас, похоже, не оставалось выбора.

Тогда…

После пожара мама не пила уже год, стресс дал о себе знать и хорошо, что таким способом. Я жила с отцом в огромном доме, утопая в роскоши, с прислугой и личным водителем. О таком и мечтать не смела, и изо всех сил старалась задержаться в этом мире как можно дольше. Но мама, с еженедельными визитами, словно тень из прошлой жизни, постоянно напоминала о себе, и отказать ей не могла.

— Принесла? — прозвучал ее хриплый голос, едва присела рядом.

— Не при водителе же, — прошипела я, и тут же подозвала официанта, заказывая кофе, надеясь выиграть немного времени.

— Как твои дела, Велина? Новая школа? Как тебе там?

— Все нормально.

— Нормально и все? — она вскинула брови, явно ожидая большего. — Я тут случайно проходила мимо, видела, на каких машинах вас привозят…

— Зачем ты там ходила? — недоуменно спросила, чувствуя, как снова накатывает раздражение, постоянный спутник встреч с мамой.

— Как зачем? Должна же знать, где учится мой ребенок, — всплеснула она руками, изображая заботу. Фальшь так и сочилась из-под натянутой маски.

— Раньше почему-то тебя это не заботило, — огрызнулась, не в силах сдержаться.

Злилась на нее за то, что она ставит меня в такое положение. Павел Александрович относился ко мне хорошо, и хоть я и обращалась к нему «отец», в душе не считала его таковым. Слишком трудно было вычеркнуть из памяти годы, когда для него ничего не значила. Мама же была рядом всегда. Именно она не спала ночами, когда болела ветрянкой будучи подростком. Правда, потом пережитый стресс она топила в алкоголе, но то уже другая история. Она повела меня в пер-

вый класс, как и положено родителю, отстояла линейку, а потом отмечала это событие целый месяц. Она старалась. Старалась, когда могла, когда алкоголь отпускал хотя бы ненадолго, чтобы могла быть мамой. Сейчас она перестала получать алименты, поэтому деньги были нужны всегда.

— Держи, — прошептала, просовывая сверток под стол, когда увидела, что водитель, забрав кофе, вернулся в машину.

— Что там? — спросила мать, торопливо пряча добычу в сумку.

— Немного наличных и золотые запонки, — ответила я.

Наличные частенько валялись по всему дому, а отец всегда давал достаточно на "непредвиденные расходы". Золотые запонки, забытые в гостиной, оказались очень кстати. Мать облегченно выдохнула, застегивая сумку. Во взгляде мелькнула жадность, но она тут же спрятала её, натянув маску заботливой матери.

— Спасибо, Велина. Ты у меня золото, — прошептала она, прикоснувшись к руке.

Ее пальцы были сухими и шершавыми, совсем не такими, какими помнила в детстве. Я отвела взгляд. Эти слова, эта показная благодарность, всегда вызывали у меня злость. Я знала, что за ними скрывается. Завтра ей снова понадобится помощь, потом еще и еще. И я буду продолжать воровать у человека, который дал мне крышу над головой, который, возможно, впервые в жизни заботился по-настоящему.

— Мама, я не могу постоянно воровать. Он узнает, и тогда выставит за дверь. «Ты этого хочешь?» —прошептала, наклонившись, чтобы никто не услышал.

— Я скоро устроюсь на работу. Вот увидишь.

Я скептически хмыкнула, отпивая кофе. Обещания звучали красиво, но разбивались о реальность, где бутылка оказывалась важнее любого слова. И все же, я надеялась. Не столько ради нее, сколько ради самой себя. Хотелось верить, что где-то там, под слоем алкоголя и боли, еще живет моя настоящая мать.

Встречи с матерью всегда оставляли неприятный осадок. Чувство вины, смешанное с раздражением и безысходностью, оставалось надолго. Возвращаясь в дом Павла Александровича, старалась стряхнуть этот груз, окунуться в атмосферу роскоши и спокойствия. Но темные уголки души, выкованные годами жизни с матерью, не давали полностью расправить плечи и спокойно жить в этом новом мире. Словно была чужой среди своих, балансируя на грани двух реальностей.

Еще этот лицей… Там все, казалось, впитали чувства превосходства и высокомерия с молоком матери. Было невероятно трудно. Прошлая жизнь научила выживать: притворяться, видеть людей насквозь, быстро адаптироваться. Я научилась смотреть в глаза, не моргая, когда вру, и улыбаться, даже когда внутри все кипит от злости. Научилась подстраиваться под чужие правила игры, не теряя себя окончательно.

В лицее это пригодилось как никогда. Фальшь стала второй натурой, маской, за которой прятала настоящую сущность, боялась, что если они увидят настоящую, то отвергнут. И все же, иногда, во время разговора с кем-нибудь из "золотой молодежи", пробивало чувство отвращения к самой себе, к этой лживой игре, в которую вынуждена была играть. Больше всего боялась потерять себя и стать той, которой пытаюсь казаться.

Иногда, когда Павел Александрович спрашивал о маме, я врала. Говорила, что у нее все хорошо, что она работает и старается. Он кивал, не задавая лишних вопросов, и я чувствовала себя еще хуже. Казалось, что этим вопросом он проверяет. К слову, он помог с ремонтом в квартире, но маме, как всегда, не хватило роскоши и дороговизны обстановки.

— Мог бы хоть каменную столешницу на кухне поставить, а не эти спрессованные опилки, не разорился бы, — пожаловалась она в очередной раз.

Биде и стеклянная шторка в ванной были одними из первых в списке того, что он мог, но не сделал. В очередной раз покачав головой, даже не стала вступать в спор. В глубине души понимала, что он делает это не ради мамы, а ради меня. Ему хотелось, чтобы я чувствовала себя лучше, чтобы было меньше поводов для беспокойства. Но, как назло, такая забота лишь усиливала чувство вины и непонимания. Почему за все эти годы, пока он платил алименты, даже не удосу-

жился встретиться? Узнать, как дела? И почему раньше не предложил помощь? Ведь все деньгами не купишь.

Возвращаясь домой после встречи, даже не могла предположить, что сегодня состоится серьезный разговор. Точнее, всегда знала, что рано или поздно все станет явным, но не думала, что так быстро.

— Велина, подойди сюда, — услышала грубый голос отца, стоило переступить порог дома. Так он разговаривал только с подчиненными, отчего у меня пробежал холодок по спине.

— Да, отец, — сказала я, понимая, что час "Х" настал.

Он стоял у окна, спиной ко мне. Высокий, широкоплечий, в брюках и белой рубашке с закатанными рукавами. Пиджак валялся на кресле. В комнате царила тишина, нарушаемая лишь тиканьем напольных часов. Я подошла ближе, стараясь сохранить невозмутимое выражение лица.

— Узнаешь? — спросил он, поворачиваясь ко мне. В руке он держал те самые золотые запонки. Я побледнела, горло сдавил спазм, не давая сказать. Да я и не знала, что говорить. Врать было бессмысленно, он и так все знал.

— Я… — начала, но он перебил, подняв руку.

— Не оправдывайся. Я все знаю. Я долго делал вид, что ничего не замечаю, надеялся, что одумаешься. Но ты продолжаешь воровать, Велина!

Слова резали, как нож. Я чувствовала себя ничтожной, преданной, загнанной в угол. С одной стороны — мать, которая нуждалась в помощи, с другой — Павел Александро-

вич, давший все, о чем мечтала. И я предала обоих.

Ну все, теперь он меня прогонит, и я опять буду прятаться от маминых дружков за закрытой дверью, стараться заснуть под звуки пьяного смеха и отвратительных стонов.

— Теперь за каждым действием, за каждой встречей с мамой будут присматривать охранники, чтобы не было никаких поводов что-то передать.

Я опустила голову, не в силах смотреть в глаза. Слова были справедливы, но от этого не становилось легче. Чувство вины разрывало изнутри. Я знала, что он прав, что должна отвечать за свои поступки, но как это сделать, когда тебя разрывают на две части?

— Хорошо, — прошептала я еле слышно. — Я согласна.

В комнате повисла тишина, давящая своей тяжестью. Павел Александрович смотрел долгим, изучающим взглядом. Я чувствовала, как он пытается прочитать мысли, понять, насколько искренне согласие.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я делаю это ради тебя, Велина. Я хочу, чтобы ты выросла честным и порядочным человеком. Хочу, чтобы гордилась собой.

Он подошел ко мне и обнял. Объятия были теплыми и крепкими, но я не чувствовала облегчения. Я знала, что впереди ждет долгий и трудный путь. И он не перестанет быть таковым, пока мама не исправится.

После этого разговора каждая встреча проходила под при-

стальным наблюдением охранника. Больше не могла передавать деньги или вещи. Она была недовольна таким исходом, и со временем эти встречи становились все реже и реже. Порой она не назначала встречу месяц, а то и два. Снова влипнув в неприятности, подкараулила у лицея, и мы стали встречаться тайно.

Глава 7. Фаддей

Сейчас…

Ситуация достигла дна, пробила его и устремилась в бездну. Раньше наивно полагал, что хуже, чем застрять с Велиной в непроглядной тайге, быть не может. Но судьба, злорадно усмехнувшись, закинула нас на дерево, словно двух жалких котят. С минувшего вечера во рту не было ни крошки, ни росинки — на этом раскаленном насесте долго не протянуть. Идея была отчаянная, глупая, но предпочтительнее пассивной смерти от жажды и зноя. Времени ждать не было.

Срезав сук, метнул в медведя, но промахнулся. Деревяшка спикировала о землю рядом, зверь даже не удостоил ее презрительным взглядом.

— Да, уж, — язвительно цыкнула Велина. — С меткостью у тебя явно проблемы, прямо скажем, катастрофа.

Я старался не обращать внимания на колкости. Казалось, вчера мы нашли хрупкое подобие общего языка, но это оказалось лишь призрачным перемирием. Стоило оказаться в опасной ситуации, как Велина вновь принялась за старые ворчания и обвинения.

— Есть идеи получше? — огрызнулся я. — Готов внимательно выслушать.

Велина лишь отвернулась, скрестив руки на груди. Сорвав ветку потолще и, прицелившись, бросил, надеясь по-

пасть зверю по морде. Снова промах. Медведь лениво почесал бок, демонстрируя полное равнодушие. В его взгляде читалось: "Ну и что вы там делаете? Спускайтесь, поиграем".

— Могла бы хоть покричать, уж в этом тебе точно нет равных, — пробурчал я.

Велина смерила долгим взглядом, но действовать не начала. Палящее солнце безжалостно вытягивало последние силы. Кора дерева неприятно впивалась в спину, конечности затекли от неудобной позы. В животе предательски урчало, пересохшее горло молило о капле влаги. Нужно было что-то предпринять, и как можно скорее. Медведь, словно издеваясь, продолжал кружить вокруг дерева, изредка поглядывая на нас с явным злорадством. Казалось, он упивался нашей беспомощностью.

Вдруг Велина резко выдохнула и указала дрожащим пальцем куда-то вглубь леса.

— Смотри! Это Леди! Она жива!

Я не поверил ушам, мало ли что могло померещиться этой и без того не самой нормальной блондинке. Прищурившись, всмотрелся в чащу. И действительно, из кустов вынырнул белый шпиц. Вся перепачканная, в соре, в репьях, но это была она.

Дрянь!

Та, кто давала крошечный шанс вырваться из лап косолапого. Пожалуй, я начинаю испытывать к ней что-то похожее на уважение.

— Леди! — позвал я, надеясь, что собака услышит и поймет. Шпиц, казалось, замер в нерешительности, словно обдумывая дальнейшее действие. Но, узнав нас, Леди бросилась к дереву, яростно лая на медведя.

Зверь, до этого лениво наблюдавший, явно не ожидал такой наглости. Он отвлекся на собаку, которая, несмотря на скромный размер, самоотверженно облаивала его. Косолапый, не желая терпеть такое неуважение, ринулся на Леди, замахнувшись лапой. Казалось, еще мгновение — и он раздавит этот брехливый комочек. Велина вскрикнула.

— О нет, он ее убьет!

Но не тут-то было. Леди ловко увернулась и отбежала, продолжая лаять с такой отвагой, словно в нее вселился дух бесстрашного предка. Медведь продолжал преследовать ее, мечтая заставить замолчать надоедливую помеху. Пожалуй, не зря говорят, что питомцы похожи на хозяев.

Воспользовавшись замешательством медведя, быстро огляделся. Нужно действовать, пока есть шанс.

— Велина, вниз! — скомандовал я, начиная спускаться первым. Кора дерева царапала кожу, но сейчас это было не важно. Главное — выбраться из этой ловушки.

Велина, немного помедлив, последовала за мной. Спускались быстро, но осторожно, стараясь не шуметь. Земля показалась спасением после долгих часов на дереве. Не теряя ни секунды, схватил Велин за руку и потащил к лагерю.

Леди, словно ангел-хранитель, продолжала отвлекать мед-

ведя, уводя все дальше. Я испытывал огромную благодарность к этой маленькой собачке, готовой пожертвовать собой ради нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.